

INSPIRIA

БИБИ ИСТОН

ЛЮБОВЬ БЫВАЕТ ОПАСНОЙ

ФИНАНСИСТ

18+

INSPIRIA

44 главы о 4 мужчинах

Биби Истон

Финансист

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Истон Б.

Финансист / Б. Истон — «Эксмо», 2018 — (44 главы о 4 мужчинах)

ISBN 978-5-04-164494-9

С каких это пор тебе нравятся мужчины, предпочитающие деловой костюм грубой кожанке? Любимый мужской типаж Биби отлично известен. Хорошие парни — мимо. Тем удивительнее выглядит ее интерес к Кену Истону, мужчине, у которого гораздо больше галстуков, чем татуировок, и от которого пахнет парфюмом, а не сигаретами. Психолог по призванию, Биби не на шутку заинтересована его личностью. Почему он избегает привязанностей? Почему не любит шумиху и веселье? Желание Биби проникнуть в голову Кена незаметно для нее самой перетекает в кое-что больше.... Романтический интерес? Кажется, Биби наконец открыла в своей жизни новую страницу.

«Финансист» — самостоятельный роман и часть цикла «44 главы о 4 мужчинах». Биби Истон оставила работу психолога, чтобы написать цикл романов об отношениях. Уже дебютный роман «44 главы о 4 мужчинах» попал в Топ-100 бестселлеров США, по его мотивам вышел сериал Netflix «Секс/жизнь». «Читать книги Биби Истон — значит, смеяться, плакать и давить хулиганскую улыбку на лице». — Smut & Spirits

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-164494-9

© Истон Б., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	8
Часть I	9
1	9
2	14
3	18
4	21
5	23
6	26
7	32
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Биби Истон Финансист

B.V. Easton

SUIT

Copyright © 2018. Suit by B.V. Easton

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency
and Andrew Nurnberg Literary Agency

Cover design by B.V. Easton

Перевод с английского Анны Бялко

© Бялко А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Этому поганцу Кену

Предисловие

Признание: Я не знаю, о чем я думала, когда решила, что посвящу по книге всем четырем парням из своих мемуаров, 44 главы о 4 мужчинах. Первые три романа окончились расставаниями, а последний, вот этот, будет о самом скучном мужике во всей Америке.

И он об этом знает. Когда я сказала Кену, что мне нужны идеи для новой книги, он, черт возьми, заржал надо мной – *он заржал!* – и сказал: «Удачи. Я скучный, как дерьмо».

Да, блин, козел, я знаю.

Ну и что мне было делать?

Мне же надо было написать *хоть что-то*.

Семья и дети? Типа, ребята, вы за этим сюда пришли? И они жили долго и счастливо? История о том, как придурочная, взбалмошная Биби с розовыми волосами влюбилась в отвратительно спокойного куклу-Кена без единой эмоции? *Фу*. Ладно. Я расскажу вам, как это случилось, но, если будет скучно, чур, меня не винить.

Вините во всем Кена.

Я лично всегда так и делаю.

Часть I

1

26 января 2003-го

Моя задница сидела в углу шикарного кожаного дивана в квартире Джейсона, но разум мой весь был в доме напротив, через парковку, в пустой квартире. В той, которую я раньше называла домом. Той, где жила со своим парнем, рок-звездой Гансом, пока не поймала его в постели со своей лучшей подругой, которую я вышвырнула за дверь, а потом ушла оттуда, забрав с собой все, что не было приколочено.

Ну, может, и часть того, что было приколочено, тоже.

Прошло шесть недель после этого адского разрыва, и, хотя я все еще не была готова снова посетить место, где развернулась одна из худших сцен в моей жизни, мой друг и бывший сосед Джейсон устраивал вечеринку по поводу Суперкубка, а мне дико надо было выпить.

Джейсон жил в новейшем, самом высоком и самом крутом доме в квартале Мидтаун Вилледж. В его квартире все было отделано стеклом и сталью. В моей же были пластиковые шкафы и невероятное нашествие муравьев. В те месяцы, когда я мерила шагами линолеум на полу, размышляя, куда же, на хрен, запропастился мой парень, квартира Джейсона стала для меня домом вдали от дома. А его друзья – моими друзьями. А на его мягком диване из итальянской кожи – всегда занятom парнями, пьющими пиво, мужиками, пьющими виски с содовой, и еще одним парнем, пьющим витаминный напиток, – было гораздо удобнее горевать, чем в моей пустой квартире.

Джейсон плюхнулся рядом со мной на диван и обхватил меня за плечи. От него пахло дизайнерским лосьоном после бритья, а отглаженные брюки почти не помялись, когда он закинул ногу на ногу.

– Я по тебе скучал, детка.

Джейсон был старше меня всего на три года, но уже зарабатывал в год шестизначную цифру в своей компьютерной фирме, да еще время от времени подторговывал наркотиками, «чтобы собрать денег на стартап». Я же была нищей студенткой, которая все еще ходила в майках-алкоголичках и бойцовских ботинках, как будто 90-е не кончились три года назад. Я работала на полставки в «Мэйсис» и даже не могла позволить себе нормальную прическу. Пока я все эти последние недели старалась не заработать нервный срыв, моя когда-то шикар-

ная платиновая короткая стрижка отросла и теперь напоминала собой нечто вроде лохматого двухцветного гриба.

– Да знаю. Я тоже соскучилась. Спасибо, что пригласил.

– Спасибо, что пришла. Я думал, мы сможем залучить тебя только каким-то чертовым чудом.

Я хихикнула.

– Нельзя говорить *чертовым* и *чудом* в одной фразе. Это не имеет смысла.

– *Сама ты* не имеешь никакого смысла, – ухмыльнулся Джейсон, качая головой. – О-о-о-ох... бр-р-р-р... – Он залпом допил свой стакан. Я закатила глаза.

– Пойду налью еще. Тебе принести?

– Не, я в порядке, – улыбнулась я, отхлебывая свой Красный, Синий, Черный или какой там «Джонни Уокер» из стакана, который вручил мне Джейсон.

Я приготовилась целый вечер пялиться в телевизор, притворяясь, что понимаю, что за херня там происходит, и отбиваться от домогательств его наглых подвыпивших дружков, когда мой взгляд упал на что-то, происходящее возле двери.

Нет, не на что-то.

На кого-то.

Время замерло.

Взревели невидимые турбины.

Новый гость Джейсона вошел, танцуя с грацией греческого бога.

Или падшего ангела, если учесть его одежду.

Загадочный гость Джейсона был высоким, стройным и с ног до головы в черном.

Скинув черное пальто, он небрежно повесил его на стул у входа. Под пальто на нем была черная рубашка с закатанными рукавами, открывающими накачанные бицепсы и предплечья. Рубашка была заправлена в идеально сидящие брюки, мягко стекающие с бедер. Проходя через гостиную, он распустил узел стильного узкого черного галстука. Над шеей у него была линия челюсти, сделавшая бы честь Капитану Америка, высокие скулы и коротко стриженные светло-каштановые волосы, слегка торчащие спереди.

Он выглядел как плохой парень с хорошей работой и великолепным телом, и я совершенно точно была в таком заинтересована.

Так что я отменила вечер страданий, проглотила слюну и выработала план. Когда он пойдет обратно, я или рухну к его ногам, симулируя обморок, или притворюсь, что подавилась, чтобы он сделал мне искусственное дыхание. Но в любом случае я была решительно настроена на то, что все это должно кончиться тем, что он спасет мне жизнь и это свяжет нас прочной, неразрывной нитью.

Я уже собиралась ринуться на выполнение своих планов, как услышала где-то в кухне крик Аллена, одного из местных завсегдатаев: «Кен!»

Я обернулась.

«Кен?»

Кена тут не было. Я бы знала. Кен был моим приятелем – вечно пьющим витаминный напиток, вечно в спортивном костюме, вечно отпускающим ехидные замечания, вполне милым, если вам по вкусу резкие шуточки – мне лично не по вкусу. Но он не был...

И тут Аллен с его стрижкой под горшок и очками на лбу появился в гостиной и кинулся к новому гостю Джейсона с распростертыми объятиями. «Привет, братан!» У меня отпала челюсть.

В последнюю секунду, сделав нырок, этот парень ловко избежал попытки Аллена обхватить его, в результате чего его плотный четырехглазый приятель едва не снес стеклянный кофейный столик.

«Черт меня побери. Это Кен. Он здесь».

И он дико *крут*.

Это как Супермен, который дурил всех вокруг, притворяясь тихоньким репортером. Я не могла поверить, что Кену удалось убедить меня, что он совсем не мой тип, всего лишь надев спортивные штаны и пару кроссовок. Я что, правда такая дура? Он был умным, красивым и забавным – в таком сухом, саркастичном ключе, – а я полностью списала его со счетов, как какого-то прилизанного придурка.

Внезапно я растерялась, не зная, что делать и как себя вести. Кен был моим приятелем, так что я должна была хотя бы сказать: «*Как дела?*», – но я просто не могла. Я так и сидела, прячась на ровном месте, в ожидании каких-то проявлений Кен-ства.

Я уже видела, как он с ловкостью ниндзя выдрался из объятий Аллена.

«*Да, это Кен*».

Как пошел и взял витаминный напиток из холодильника.

«*Супер-Кен*».

И как улыбнулся, наконец заметив меня из-за кухонной стойки.

«*О-о-о-очень Кен*».

Этот сукин сын, словно сошедший со страниц GQ, в черной рубашке, черном галстуке, с шикарной стрижкой и бирюзовыми глазами улыбался... мне. Кажется, я наклонилась вперед и замерла, вздыхая с сердечками в глазах, прежде чем опомнилась и поняла, что должна улыбнуться в ответ... ну или сделать еще что-то.

На диване не было места для него, так что я, подчиняясь инстинкту, встала. Я собиралась подойти к нему и сказать: «Привет». Это же нормально, да? Мы же друзья.

Я сделала три шага в его сторону, но в последний момент струхнула и, резко свернув направо, вышла покурить на балкон. В январе. Даже куртку свою не захватила.

Как полная идиотка.

Снаружи все было совсем по-другому. Готовясь к вечеринке, Джейсон натянул на балконе несколько рядов белых праздничных гирлянд и установил динамики от своего стерео. Внутри было шумно, ярко, тепло и бардачно, а тут, снаружи, темно, холодно, тихо и мелодично. Заканчивалась какая-то тягучая лиричная песня, я села на мягкий балконный диванчик, закурила и стала изо всех сил наслаждаться моментом, медленно умирая от переохлаждения.

Но момента надолго не хватило. Услышав первые три секунды очередной песни, я была готова кинуться с этого балкона. Как будто мало было того, что я сидела тут, замерзая насмерть и глядя через парковку на квартиру напротив, где вся моя прошлая жизнь обернулась дерьмом, вселенная решила, что, раз уж я тут, будет страшно забавно заставить меня послушать «Падающую звезду» «Фантомной конечности» – песню, которую Ганс написал для меня, когда мы с ним только начинали встречаться. Это был их первый и единственный сингл на радио. Вскоре после нашего расставания «Фантомная конечность» вылетела из студийных записей, потому что их первый альбом продавался плохо, но местные станции все равно не переставали крутить «Падающую звезду» с упорством, достойным лучшего применения. Со времени нашего расставания мне удавалось полностью избегать этой песни, но она наконец меня настигла.

Идти мне было некуда, и, вздохнув, я покорилась судьбе.

Но, слушая эти слова – *действительно* слушая их, я поняла, что и в самом деле слушаю эту песню как будто в первый раз. Она не вызывала во мне тоски. Я даже начала хихикать. А потом рассмеялась. А потом зажала руками рот, чтобы заткнуться и дослушать все до конца.

«Падающая звезда» вовсе не была эпической сагой о predetermined судьбе и истинной любви, как я почему-то думала. Это была песня про девушку, которая была достойна большего, чем ее возлюбленный. Он пытался удержать ее, но в конце концов она вырвалась и засияла, как сверхновая звезда, став тем, чем всегда должна была быть, и бросив его в пыль.

– Тебе что, нравится эта песня?

Я подскочила, все еще зажимая руками рот, и увидела, как Кен закрывает за собой балконную дверь. На нем было пальто, а в руках он держал мою куртку.

Я расплылась в улыбке. Даже не знаю, кому я обрадовалась больше – Кену или куртке.

Вручая мне мою блестящую бордовую летнюю куртку, Кен сказал:

– Тебе не кажется, что это уж как-то больно сопливо?

Закутываясь в куртку, как в одеяло, я хрипло рассмеялась.

– Да сопливо до жопы!

Я подвинулась, освобождая Кену место на диванчике, но он, как всегда, отошел в дальний конец балкона.

Всегда на расстоянии.

– А какая у тебя любимая группа? – спросила я, затягиваясь сигаретой, словно не рисковала отморозить себе кончики пальцев.

– Sublime, – без малейшего промедления ответил Кен.

– Sublime? Да ладно, – хрюкнула я.

– А что не так с Sublime?

«*Черт. Так он всерьез?*»

– Нет-нет, ничего, – сдала я назад. – Отличная группа.

– Так в чем дело-то? – Кен поднял бровь и оперся на балконные перила, явно наслаждаясь видом моих корчей.

А мне нравилось смотреть, как он смотрит на мои корчи.

– Хм, ну, *фактически* они поют только про то, как чуваки под сорок пьют и курят траву.

– И еще про детскую проституцию, – добил меня Кен.

– Ну да, – хихикнула я. – Как я могла об этом забыть? Это же в «Не том пути».

– Это практически величайшая песня на свете.

– Эй, – сказала я, снова отвлекаясь на его внешний вид. – Мне нравится, как ты одет. Чего это ты такой нарядный?

«*Господи, надеюсь, это звучит не так по-идиотски, как кажется.*»

– Да пришлось зайти на работу. Обычно по воскресеньям я выходной, но куча идиотов сегодня отпросилась из-за Суперкубка, так что мне пришлось туда пойти.

– Вот они, трудности быть начальством, да?

Кен был управляющим в кинотеатре, но отказывался пускать меня бесплатно, потому что я *однажды* назвала его козлом.

– Ага, особенно если все твои работники чертовы подростки, – ухмыльнулся Кен. – Ничего личного.

– Да подумаешь! – фыркнула я, швыряя в него диванной подушкой. – Я-то уже *сколько месяцев* не подросток.

Прицелилась я кошмарно, но Кен изловчился и поймал подушку прежде, чем она улетела через перила. Движение было совершенно естественным; казалось, он мог бы сделать это во сне. Улыбнувшись, он сделал вид, что собирается стукнуть меня подушкой, но когда я заверещала и закрыла голову локтями, осторожно сунул ее мне на колени.

Вот козел.

Опустив руки, я поглядела Кену в глаза, пытаюсь изобразить выражение «Да иди ты», но один из углов моего рта отказывался сотрудничать. Вместо того чтобы опуститься, он упорно поднимался.

– С такими навыками тебе надо податься в Цирк дю Солей, – сказала я, закатывая глаза и делая вид, что меня совершенно не впечатляют его рефлексыв бывшего футболиста. – И тогда тебе больше не придется иметь дела с *подростками*.

– Ага, только с уродами, которые даже по-английски не говорят, – отрезал Кен.

– Что? Да эти люди великие артисты!

Кен поглядел на меня с минуту со странной полуулыбкой.

– А ты сама там была?

– Что? В Цирке дю Солей? – Я чувствовала, что мой голос практически срывается на визг. – Господи, да это же типа моя самая любимая штука. Всякий раз, как я ухожу оттуда, я чувствую себя такой... ну не знаю... тупой, что ли? Типа, страшно некреативной. Они там такое делают, такое выдумывают, это просто... ах! Ты что, не был?

Кен смотрел на мои восторги, забавляясь, а потом помотал головой.

Я просто ахнула. Громко ахнула.

– Господи, Кен! Тебе понравится! Ты любишь искусство, музыку и Европу – ну, в смысле ты их *не любишь*, потому что ты ничего не любишь, но... – Кен ухмыльнулся на мою подколку. Это была хоть и шутка, но правдивая. Этот засранец ни к чему не относился всерьез, кроме как к тому, чтобы избегать любых развлечений. – А это – все это вместе, только лучше! И они приезжают каждой весной! Ты должен сходить!

– Ну, может, я и проверю. – Лицо Кена ясно выражало, что он *не собирается* ничего проверять.

– Боже ты мой, – зарычала я, и в моем голосе послышался гуляющий по моей кровеносной системе «Джонни Уокер». Я махнула в сторону Кена тлеющим огоньком своей сигареты. – Ты не пойдешь, потому что это стоит денег!

Кен рассмеялся, вот прямо по-настоящему, и мне захотелось вздеть этот звук над собой, как трофеем.

– Я и забыл, что общаюсь с будущим психологом, – хохотнул Кен.

– Слушай, приятель, ты пойдешь туда, даже если мне самой придется заплатить за твой билет.

– Ладно.

– Ладно?

«Погодите. Что?»

Мы с Кеном погрузились в неловкое молчание, и тут зазвучала песня «Широко раскрыв объятья».

– Господи. Кстати, о сопливых рок-звездах. – Вскочив, я вышвырнула окурок на парковку под нами. – Пошли, – сказала я, хватая Кена за лацкан пальто и таща за собой в квартиру. Это было самое большое приближение к прикосновению, которое, по-моему, он мог мне позволить. – Я не могу больше слушать это дерьмо.

Кен охотно последовал за мной. Я сделала себе заметку на память.

«*Не любит обниматься. Но не возражает, чтобы его таскали, как собаку на поводке. Интересно*».

Увидев, как мы входим, Джейсон кинулся к нам, как будто что-то случилось.

– Кен! Кен! – Он замер перед нами, пытаясь и сопя. – Братан, как твоя фамилия?

Это был довольно странный вопрос – вот так, ни с того ни с сего, но как только Джейсон это сказал, я поняла, что мне тоже страшно важно узнать ответ. Время словно замерло, пьянка затихла вдаль, весь шум вокруг нас заглох, а все клеточки моего тела напряглись и прислушались. Я слушала так, словно Кен должен был сообщить нам выигрышный номер лотереи. Как будто ему удалось создать рецепт пива без калорий. Как будто то, что сейчас сойдет с его губ, как ужасно и непроизносимо это бы ни прозвучало, в один прекрасный день станет и моей фамилией.

– Истон, – сказал он.

«*Истон, – подумала я. – Мне нравится*».

2

– Ну, и как оно, снова побывать у Джейсона? – Джульет, моя лучшая подруга еще со средней школы, сидела рядом со мной в парикмахерской. Половина ее головы выглядела так, будто она сунула палец в розетку, но другая уже была заплетена в гладкие длинные тонкие черные косички. Джульет буквально устроила стильный прорыв ради того, чтобы затащить меня в этот салон, но теперь, когда я была тут, никто не знал, что можно сделать с моей косматой метелкой.

– Как насчет суперкороткой стрижки? Мы можем просто состричь все это, – предложил стройный элегантный парень, проводя рукой со звенящими на запястье браслетами.

Я поглядела на бедолагу в зеркало и вздохнула.

– Я только что выросла из такой стрижки. Мне бы хотелось что-то другое.

Он поскуучнел.

Поднеся руку ко рту, Джульет прошептала на весь салон:

– Она только что рассталась с парнем.

– Ни слова больше, – подмигнул парикмахер. – Стрижка мести. Мне нравится эта идея.

Я обернулась к Джульет, вспомнив ее вопрос.

– Ну да, это было очень странно. Увидеть вот так свою бывшую квартиру... Но потом пришел Кен, и...

– Понял! Как насчет Гвинет Пэлтроу в «Двери закрываются»? – спросил мастер, приподнимая обеими руками волосы у меня на затылке. – Мы можем убрать вот тут, – показал он. – И выпустить такую длинную прядь с одной стороны.

– Такая стрижка у меня тоже была, – пожалала я плечами. – Я думала на сей раз оставить побольше длины.

Андрэ – я не помнила его имени, но он выглядел, как Андрэ, – сморщился в ответ.

– Тебе надо покраситься потемнее, – предложила парикмахер Джульет. У нее самой была запутанная копна дредов, выкрашенная в темно-красно-лиловый цвет.

– О, мне нравится ваш цвет!

– Господи, точно! – воскликнул Андрэ. – Бордовый. Идеально подойдет к твоей коже.

Мне видится такое гладкое, четкое бордовое каре. Как у тайного агента.

– Не думаю, что ее волосы будут лежать гладко, – заметила Джульет.

– О, милочка, они будут лежать так, как я скажу.

Я повертела головой, перевела взгляд с одного парикмахера на другого и пожалала плечами.

– Ладно.

Андрэ отошел развести краску, а Джульет, ухмыляясь, ткнула меня в бок.

– Что? – огрызнулась я.

– Ты назвала его Кеном.

– И? Его так зовут.

– Ты всегда называла его Пижамой.

– Ну, это было раньше, когда он все время ходил в пижаме.

– Балда, это был спортивный костюм, – фыркнула Джульет.

Если Джейсон был для меня как будто братом, то Джульет – злобной старшей сестрой.

Я сложила руки на груди.

– Неважно. У меня тоже есть штаны на резинке. Я покупаю такие в отделе пижам в «Таргете», потому что это *долбаные пижамы*.

Джульет и ее мастер захихикали.

– Ну, так если он больше не Пижама, что же он носит теперь?

Фыркнув, я уставилась в зеркало перед собой, пытаясь послать своему парикмахеру телепатический призыв поспешить с этой своей краской.

– Ну, не знаю... *Не пижаму*. Типа... галстук.

Выражение на лице Джульет с веселого сменилось на озадаченное.

– Галстук? С каких это пор тебе нравятся парни в галстуках? Тебе всегда нравились те, которые выглядят так, будто они грабят парней в галстуках. *Под дулом пистолета*.

Я против воли рассмеялась.

– Я в курсе. Но ты просто его не видела. Это был не просто костюм с галстуком. Это было... не знаю... круто.

– Господи.

– Ну что?

– Он может стать твоей мезью!

– Нет. Кен? Он же совсем не мой тип. Он не пьет, не курит, у него ни тату, ничего. Его, небось, ни разу не арестовывали.

Мастер Джульет хихикнула.

– Детка, тебе точно нужен другой тип.

Джульет поглядела на нее.

– Что ей нужно, так это мезь. Всем известно, нет лучше способа пережить мужика, чем завести нового.

– И новую стри-и-и-ижку! – Появился Андрэ с миской, полной бордовой жижи. Он резко отвернул мое кресло от Джульет, и наш разговор оборвался.

Пока он там колдовал, мои мысли вернулись к Кену. Надо было признать, что единственным моментом за прошлые шесть недель, когда я не перебирала в памяти все печальные детали нашего с Гансом разрыва, были те несколько минут, что я провела вчера с Кеном.

Но разве с ним можно всерьез встречаться? Ну, в смысле он же *Пижамы*. У нас нет ничего общего. Да и кроме того, я его почти не знаю. Ну ладно, я знаю почти всех его друзей, и где он работает, и что мы с ним ходили в одну школу, и что он бросил футбольную команду, потому что ему не нравилось, что на него орал тренер. Еще я знала, что он путешествовал по Европе и был во всех музеях, куда хотела бы попасть я, и что он знает о Древнем Египте и истории больше, чем я, потому что он помогал мне готовиться к экзаменам. И я *точно* знала, что Кеннет Истон не пьет, не курит, не употребляет наркотики, не ест шоколад, не признает праздников, дней рождений, обнимашек, нормальных отношений и даже фразу «*Спаси Бог*», потому что он упрямый, унылый атеист.

Так почему я не могу перестать о нем думать?

Три часа спустя вся голова Джульет была в длинных тугих черных косичках; а у меня было гладкое, остроугольное бордовое каре; а все в этой парикмахерской теперь наверняка умрут от рака – столько всякой химии пришлось вылить на мою голову, чтобы избавиться от кудряшек.

Мы с Джульет обнялись на прощание на парковке и разошлись по машинам, я – в свой десятилетний черный «Мустанг», на котором когда-то, еще до того как смогла покупать себе сигареты, гоняла на треке за деньги, а Джульет – в старый минивэн, который ей отдала мама, когда она в шестнадцать лет забеременела от своего дружка-наркодилера.

Ах, добрые старые времена.

Теперь же мы с ней были двумя уставшими одинокими женщинами, тратящими все свое время только на то, чтобы прорваться сквозь учебу.

Но теперь у нас хотя бы были потрясные прически.

Мы с сияющими улыбками и сигаретами в руках одновременно выехали с парковки у парикмахерской. Джульет повернула на шоссе направо, в сторону маминого дома, где жила со своим четырехлетним сыном. Я свернула налево, направляясь в сторону опиумной курильни, которую называли домом мои предки-хиппи.

С каждой новой милей я чувствовала, как депрессия, с которой я боролась все время после разрыва с Гансом, поднимает голову и покусывает краешки моего сознания.

«Только поглядите на Биби, вся такая из себя, а ехать ей некуда», – дразнилась она.

Я включила радио.

«Одна только трата денег».

Я сменила станцию с поп-музыки на хард-рок.

«Ради кого ты стараешься, а?»

Я прибавила громкость.

«Ради родителей? Все равно сегодня вечером ты больше никого не увидишь».

Как раз когда я начала раздумывать, вывернуть ли мне рычажок громкости на полную мощность или же рулевое колесо вбок, вмешалась Вселенная.

– Цирк дю Солей объявил, что его фирменное желто-голубое Большое Шапито возвращается в Атланту этой весной с «Варекай», его последним представлением. Глубоко в лесу, у подножия вулкана, существует потрясающий мир – мир, где возможно все. Этот мир называется... «Варекай». Премьера «Варекай» состоится 6 марта, но продажа билетов начинается уже сейчас.

Прежде чем я успела придумать план или хотя бы задуматься, я выхватила из сумки телефон и прижала его к уху плечом.

– Что за...

– Джейсон! – заверещала я. – Мне надо, чтобы ты прямо сейчас позвонил Кену, дал ему мой телефон и сказал, что он ведет меня в Цирк дю Солей!

– Какая стри-и-и-ижка! – воскликнула мама, едва я успела войти в дом. Помахав мне из кухни, она подошла и потрепала мой новый бордовый боб. – Ой, он такой прекрасный, блестящий и прямой. Пообещай, что больше не будешь его сбивать.

Я рассмеялась.

– Ну, если смогу поддерживать его в таком состоянии, то да, обещаю.

Папа в гостиной играл на своем «фендерстрате» песню Джимми Хендрикса. Музыка прекратилась, и папа крикнул: «Отлично выглядишь, Скутер!» Наверно, он видел, как я подошла к дому.

– Ой, какие красивые, – сказала я, увидев на столе новую вазу с белыми лилиями. – Откуда они...

– Это Ганс прислал. – При звуке его имени мамин голос сник, а мое лицо вытянулось.

Кинув на нее взгляд, от которого с бампера могла облезть хромировка, я схватила хрустальную вазу, подошла к помойке и нажала на педаль, открывающую крышку.

– Нет! – закричала мама, выхватив у меня вазу в последний момент. – Они такие красивые. Дай я хотя бы заберу их в школу. Может, мы нарисуем с них натюрморт, прежде чем они завянут. Детям понравится.

Вздохнув, я отпустила крышку.

– Ладно.

– Детка...

«Дудлл-дудл-дудл-ду-у», – зазвонил из сумки мой телефон.

Мое сердце замерло, я схватила сумку со стола и начала рыться в ней в поисках маленькой блестящей «Нокии».

«Дудлл-дудл-дудл-ду-у!»

Схватив телефончик, я вытащила его и взглянула на экран. Во второй раз за какие-то считанные минуты у меня вытянулось лицо.

Выключив звонок, я кинула телефон обратно в сумку. Цветы от Ганса, бесконечные звонки от Рыцаря... Не хватало только, чтобы Харли вышел из тюрьмы, и Жуткое Трио будет в комплекте.

Взглянув на маму с выражением, которое говорило: *«Нет, это был не Рональд Макнайт»*, – я попыталась вспомнить, о чем мы только что говорили.

– Это был он, да?

– Кто? – невинно улыбнулась я.

– Ты знаешь, кто. – Она никогда даже не произносила его имени. Как будто Рыцарь был настолько ужасен, что мама боялась его воплощения. – Когда ты сменишь свой номер?

– Мам, – фыркнула я. – Все в порядке. Я же даже не отвечаю.

«Больше не отвечаю».

– Нет, не в порядке. Я видела, как он торчал тут на прошлой неделе на своем мотоцикле и пялился на наш дом! – Она взмахнула рукой в сторону двери и улицы за ней. – Ты же знаешь, мы с отцом смотрели передачу про таких, как он. Их называют луркеры... Нет, сталкеры. Таких называют сталкеры, говорят, что они опасны, у них нет никаких тормозов и они ни перед чем не остановятся, чтобы получить то, что хотят.

Мне захотелось рассмеяться. Если бы она только знала. Да Рыцарь терроризировал меня четверть всей моей жизни. В пятнадцать он разогнал всех моих друзей, угрожая каждому, кто только заговорит со мной, познакомил меня со связываниями и кровопусканием, оскорблял и унижал меня всеми возможными способами, а потом разбил мое сердце, записавшись в морской десант. У меня были небольшие передышки во время двух его командировок в Ирак, но он всякий раз возвращался еще более агрессивным и непредсказуемым, чем раньше.

Последним развлечением Рыцаря стали злобные, полные ругани сообщения, но, как бы ужасно это все ни было, я не могла сменить номер. Просто... не могла.

Рыцарь не был сталкером.

Все было гораздо хуже.

Он был моей первой любовью.

Мама открыла один из кухонных ящиков и что-то вытащила.

– Вот, – сказала она, поворачиваясь и вручая мне маленький черный предмет на кольце для ключей.

Я взяла это, провела пальцами по слову «Мейс», выдавленному на кожаном чехле.

– Папа хотел дать тебе одно из своих ружей, но я решила, что тебе еще нет двадцати одного, чтобы носить оружие. Может, на твой день рождения...

– Мам! – Я закатила глаза и кинула газовый баллончик в сумку. – Я не буду ходить с ружьем.

– Ну, мне было бы гораздо спокойней, если бы ты ходила. Ты погляди на себя. Ты же от бумажного пакета не отобьешься.

«Ну, началось».

– Ладно, спасибо за баллончик. Я пошла к себе наверх. – Я поднялась и взяла сумку, стараясь уйти до того, как начнутся разговоры про мой вес, вернее, про его отсутствие. Так всегда кончались подобные беседы. Неважно, с чего начиналось, но кончалось всегда...

– Ты сегодня ела?

– Угу, – соврала я, отступая из кухни.

– Хорошо, – крикнула она мне вслед, когда я буквально взлетала по ступенькам. – И обязательно бери баллончик в университет. Знаешь, в центре каждый день грабят четырнадцать человек!

3

Той ночью мне снился цирковой шатер, акробаты и таинственный принц, весь в черном. На нем была маска, так что он ходил среди простолюдинов неузнанным, но я знала, что это он. Я шла за ним в шатре сквозь толпу зевак, а у меня под ногами хрустели скорлупки фисташек и зерна попкорна.

Всякий раз, как я встречалась взглядом с его яркими голубыми глазами в прорези маски, он снова исчезал в толпе. Я нашла его где-то в тени, за покрытой песком ареной, и уже почти протянула руку к его маске, как вдруг меня схватил цирковой клоун. Он зажал мне рот своей потной лапищей и, хихикая, утащил меня от моего принца. Я боролась с ним, пихала его локтями и брыкалась, но все было бесполезно. Он был сильным, а я – легкой.

Слишком легкой, как говорили врачи.

Когда толстый клоун вытащил меня на арену на своем плече, туда же вышла шеренга танцоров в белых халатах и масках и выстроилась в ряд, тыча в меня своими пальцами.

«Дудл-дудл-дудл-ду-у», – раздался каскад электронных звуков, вырывая меня из одного кошмара в другой.

Я выбрала себе самый радостный рингтон из всех, но это было неважно. Этот звук все равно каждый раз взрывал мне мозг, как атомная бомба.

Открыв глаза, я взглянула на часы на столике у кровати. Было уже за полночь.

«Черт».

Так поздно мог звонить только Рыцарь. Обычно он делал это после того, как его вышвыривали из бара за то, что он в приступе ярости пытался убить кого-то разбитой пивной бутылкой. Я не могла разговаривать с ним в таком состоянии. Я вообще не могла больше с ним разговаривать. Не только потому, что он был раздражен и иррационален, но еще и по другой причине.

Я была единственной, кто знал эту причину.

Телефон снова зазвонил, и пока я несла его по своей детской спальне, светящийся экран освещал мне дорогу таинственным зеленым светом. Не знаю, как это вышло, но даже в своем полубессознательном состоянии я ощущала его присутствие, чувяла нотки корицы от его одеколона, чувствовала жар и ярость, исходящие от его массивного тела. Еще до того как выглянуть в щелку между своими заляпантыми жалюзи я знала, что увижу его стоящим под фонарем на улице.

Но это не подготовило меня к тому ужасу, который я испытала, действительно увидев его.

Мои пальцы выпустили жалюзи, и они закрылись. Моя рука прижалась к открывшемуся в ужасе рту. Дорожка к нашему дому была длинной, и с обеих сторон росли деревья, но я бы узнала эту темную фигуру, стоящую в конце нее, где угодно. Это было то, от чего я просыпалась в ночи. Это был монстр под моей кроватью. В последний раз, когда он показал мне, кто я такая, когда пересек черту, я поклялась, что больше никогда не подпущу его к себе настолько близко, чтобы он смог пересечь ее снова.

– В чем дело, Панк? – Рыцарь приближался ко мне, и его голос был зловещим. Хищным.

Я всегда парковалась на дальней стороне боковой улицы неподалеку от концертного зала, где играла группа Ганса. Но сегодня после концерта моя машина оказалась не единственным знакомым предметом, поджидавшим меня на Мэйбл Драйв .

– Что-то ты как-то не рада, – ухмыльнулся Рыцарь.

Я сделала шаг назад и натолкнулась спиной на бампер его адской машины.

– Ты же сама так говорила, нет? Что ты теперь гораздо счастливее? – Сделав еще шаг, Рыцарь остановился прямо передо мной и швырнул мне мои же собственные, сказанные раньше слова.

Он вытянул вперед руку, и не успела я моргнуть, как он обхватил мою челюсть своей мясистой лапой.

Рыцарь сунул большой и все остальные пальцы в кончики моего рта и развел их в стороны, приподымая уголки рта в насильной улыбке.

– Ну же, улыбнись, Панк. Покажи мне, как он, на хер, делает тебя счастливой. Я хочу это видеть.

Я попыталась отшвырнуть его руку. По моему застывшему лицу пролились горячие слезы.

– Иди к черту! – промямлила я своим искаженным ртом, толкая его обеими руками в грудь.

Рыцарь покачал головой из стороны в сторону.

– Тц-тц-тц. Не очень-то вежливо, принцесса.

– Не смей меня так называть! – заорала я, пиная его по голени.

– Но тебе же нравится быть маленькой принцессой. Ты сказала, ты от этого счастлива. – Рыцарь еще сильнее потянул вверх уголки моего рта.

Закрыв глаза, отчего у меня по щекам потекло еще больше слез, я прошептала сквозь стиснутые зубы:

– Я тебя ненавижу.

Наклонившись, Рыцарь прислонился лбом к моему лбу. Он пах «Южным успокоителем» и «Кэмел лайтс».

Так же, как я сама.

– Хорошо, – прошептал Рыцарь.

Не отпуская моей жуткой улыбки, он прижался ртом к плотно сжатому шву моих губ.

Я ждала искры. Того электрического удара, который пронизывал меня, как молния, с головы до ног всякий раз, когда меня касались его губы.

Но ничего не случилось.

Вместо этого я ощутила себя униженной. Оскорбленной. Слабой. Бессильной. Я чувствовала, как руки Рыцаря сдергивают мои виниловые штаны к щиколоткам. Как звякают колечки в моих сосках, когда он сдернул мой лифчик и майку. Но я не чувствовала, как он входит в меня. В этот момент мое сознание улетучилось куда-то еще. Куда-то, где мы были счастливее.

Телефон в моей руке, на несколько секунд замолчавший, зазвонил снова. Мое сердце забилось о торчащие ребра.

«Биби, не смотри туда. Иди и ложись в постель. Может, это не он. Пожалуйста, не надо...»

Без всякого согласия мои пальцы протянулись вперед и приподняли одну из хлипких пластиковых полосок жалюзи, чуть-чуть, на долю сантиметра. Мотоцикл Рыцаря так и стоял под фонарем снаружи, но его самого больше не было рядом с ним.

«Дудл-дудл-дудл-ду-у!»

В панике я приоткрыла щелку пошире, чтобы оценить величину темноты между улицей и моим окном на втором этаже. Рыцаря не было на дорожке. Не было у входной двери. Мой взгляд заметался по темному двору, перепрыгивая от дерева к дереву, пока в тени не блеснули знакомые, почти бесцветные голубые глаза.

Бледная кожа Рыцаря, казалось, светилась во тьме. Его когда-то такие мягкие, стриженные под машинку волосы отросли и были зализаны назад. А вместо камуфляжных штанов на нем были черные джинсы и кожаный мотоциклетный жилет. Новый, байкерский образ Рыцаря был таким же жутким, как и военный, но в отличие от него не давал даже иллюзий на то, что он был хорошим парнем.

Рыцарь был чертовым адским страшилищем.

Он никак не мог увидеть меня. У меня был выключен свет, а жалюзи были закрыты так плотно, что в щелочку мог выглянуть только один из моих расширенных от страха и темноты зрачков, но Рыцарь все равно уставился на эту щелочку. Как будто бы он чуял мой страх.

«Ни хрена не шевелись. Он не может тебя увидеть. Ты в порядке. Он не может тебя увидеть».

Я затаила дыхание. Рыцарь прищурился на мое окно и прорычал что-то в свой телефон. В темноте я не могла прочесть по губам, но мне и не надо было. Мой телефон в ту же секунду звякнул, говоря, что пришло сообщение на автоответчик.

Кинув в мою сторону последний убийственный взгляд, Рыцарь сплюнул на землю перед домом, засунул телефон в карман и пошел по дорожке обратно, тихий, как тень.

Глядя, как он садится на мотоцикл и уносится вдаль, я нащупала дрожащими пальцами кнопку автоответчика и нажала на «Удалить» так же, как сто раз до того. Я и раньше знала, что Рыцарь звонит мне по ночам, оставляя эти безумные, злобные сообщения.

Я только не знала, что он делает это, стоя под окном моей спальни.

Практически полная луна выглянула из своего потайного места за кронами сосен. Очевидно, она тоже боялась Рыцаря.

– Не бойся, – прошептала я ей дрожащим и неуверенным голосом. – Я вытащу нас из этого.

4

Я провалялась всю ночь, пялясь на светящиеся в темноте звезды, наклеенные на потолок моей спальни, встала по первому звонку будильника и потащила свою усталую, тоскливую задницу в университет.

Университет Джорджии гордится своей столичностью. Его кампус расположен в самом центре Атланты, на расстоянии пешей ходьбы от Олимпийского парка, Арены Филипс, Центра CNN и нескольких самых криминальных кварталов страны. Один из моих семинаров проходил в переоборудованной крытой парковке. Буквально. Туда надо было подниматься с этажа на этаж по бетонным рампам вместо лестниц. Разговаривать по пути можно было с трудом – уличный шум, грохот строек, непрерывный вой сирен «скорой помощи» и полиции, – впрочем, вам все равно не особенно хотелось там задерживаться. Задержись вы на одном месте хоть на секунду дольше, чем нужно, – и к вам тут же начинали приставать очень агрессивные нищие.

А про метро даже не начинайте.

Я как раз прошла через Лонгдейл-Холл и уже убирала свой перцовый баллончик обратно в сумку, когда у меня зазвонил телефон. У меня тут же вспотели ладони, а когда я вытащила телефон и увидела незнакомый номер, то и давление тоже подскочило.

«Господи! Это же может быть Кен!»

«Уймись. Это не Кен. Не прошло и двадцати четырех часов, как ты попросила Джейсона дать ему твой номер. Парни обычно ждут пару дней, прежде чем позвонить».

«Но это не может быть Рыцарь. Сейчас, – я взглянула на время на экране над незнакомым номером, – одиннадцать утра. А он никогда раньше полудня не звонит».

«Ну... телемаркетинг?»

«Точно. Это совершенно точно телемаркетинг».

Сделав глубокий вдох, я нажала на кнопку ответа. Сказав «Алло», я зажмурилась и приготовилась выслушать канонаду злобных выкриков или пулеметную очередь преимуществ таймшера.

Но вместо этого я услышала сухой, невыразительный голос:

– Ну, я тут услышал, что веду тебя в цирк.

У меня вырвался взрыв нервного смеха, а лицо расплылось в такой улыбке, что все печальные, нервные студенты вокруг уставились на меня, как на ненормальную.

Прижав телефон к уху, я направилась в сторону следующего класса.

– Верно, – сказала я. – Я назначила тебе собеседование. Им нужен новый жонглер подушками.

– А они выполняют 401-й пункт Трудового кодекса? Какова их политика поощрений?

– Даю гарантию, что не выполняют.

– Черт. Думаю, тогда мне придется пойти только зрителем. Хочешь со мной?

«У меня заныло лицо. Отчего оно ноет? Неужели от улыбки? Это я так долго улыбаюсь?»

– Конечно, – выдавила я.

– Тогда я сегодня возьму билеты. Представление будет в марте. Ты представляешь свое расписание на март?

– Ага, я или учусь, или работаю каждый день, кроме воскресенья.

– Воскресенье. Я понял. Подходит.

«Я понял. Подходит».

Надо отдать ему должное, с Пижамой было просто.

Я прислонилась к стене возле нужного кабинета, чтобы закончить разговор.

– Эй, спасибо, что пригласил, – сказала я более серьезным голосом. – Я верну тебе деньги за билет, когда мы встретимся.

– Ты будешь у Джейсона в пятницу?

Я улыбнулась тому, как быстро был задан вопрос.

– Ага. А ты?

– Я наверняка буду.

– Отлично, – просияла я.

– Ладно.

Мы оба минуту помолчали, прежде чем я вспомнила, где нахожусь.

– Эй, мне пора, – вздохнула я. – У меня начинается лекция.

– Какая?

– История египетского искусства.

– Забавно. Кажется, у меня тоже есть такой курс. Одна моя знакомая заставляет меня просматривать все карточки перед каждой контрольной. Теперь я знаю всех фараонов из всех династий.

– Ты лучше попридержи язык, а то я заставлю тебя помогать мне готовиться к статистике.

Кен хихикнул.

– Я с удовольствием помогу тебе учить статистику.

– Не может быть. Это нудно, а ты ничего не любишь, – ухмыльнулась я.

– Ну, я нудный, и я *люблю* статистику.

– Как же, врунишка. Мне пора.

– Ладно.

– Ладно.

«Ну, вешай трубку. Первым. Нет, ты первым».

– Пока, Брук.

Я прикусила губу, чтобы убрать свою идиотскую улыбку.

– Пока, Кен.

С тем же успехом я могла бы так и оставаться с ним на связи вместо того, чтобы идти на занятия. К концу дня моя тетрадка была вся изрисована каракулями, там было записано от силы три фразы, сверху стояла неверная дата, а снизу огромными объемными буквами было написано «ПЯТНИЦА».

5

Я обходила бильярдный стол Джейсона, вытаскивая шары изо всех карманов. Мои глаза то и дело метались в сторону входной двери.

«Да прекрати уже, черт возьми».

«А что, если он не придет?»

«Сегодня же пятница! Конечно, придет!»

«Господи, а что, если он придет? Что мне делать? Обнять его?»

«Что? Нет! Ты же знаешь, что Кен это не любит. Он даже Аллену не дает обниматься».

«Но мы типа теперь встречаемся».

«У вас назначено единственное свидание, и то через месяц. Уймись».

Мои уши уловили звук открывающейся двери даже сквозь музыку, телевизор и шум болтовни. Выкатывая шары, я взглянула на вновь пришедшего гостя. Потом испустила глубокий вздох, увидев, что это был всего лишь очередной сотрудник Джейсона в брюках хаки.

Изобразив на лице пластиковую улыбку, я поглядела на Аллена и указала на стол.

– Не хочешь разбить?

– Не-а. Начинай сама. Мне надо быстренько позвонить Эми. – За стеклами очков большие круглые глаза Аллена казались красными и опухшими.

Я пожалела его. Не знаю, что уж у него там происходило, но было видно, что ничего хорошего.

Бильярдный стол Джейсона стоял там, где должна была быть столовая, так что для того, чтобы ударить кием, не проткнув дырку в стене, приходилось долго маневрировать. Шары раскатились, но только один упал в лузу.

– Ты играешь?

Резко обернувшись, я обнаружила в проходе между гостиной и столовой Кена с самодовольной улыбкой на заросшем щетиной лице. Он, должно быть, снова пришел прямо с работы. Рукава серо-голубой рубашки были закатаны до локтей. Шелковый серо-голубой галстук распущен. А мягкие серые брюки сидели на бедрах на несколько сантиметров ниже, чем было принято на работе. Он был не в черном, и это вроде бы не должно было выглядеть так уж круто, но во всем его виде была такая аура *«идите к чертям»*, что это все равно меня заводило.

– Привет, – просияла я.

– Привет, – сказал Кен, с полуулыбкой скрещивая руки на груди.

«Так, значит, никаких объятий».

– Ты играешь в бильярд? – указал он на стол движением подбородка.

– Не очень хорошо, – рассмеялась я. – Но да, у родителей дома есть стол.

– Тогда хорошо, ты сможешь сыграть с Алленом.

Лучший друг Кена ходил туда-сюда вдоль другой стороны стола, размахивая кием и прижимая телефон к уху.

Кен подошел и повернулся к Аллену спиной. Понизив голос, он сказал:

– На прошлой неделе Эми его бросила и уехала жить в Аризону к своей сестре.

Моя рука прижалась ко рту. Взглянув из-за плеча Кена на беднягу с телефоном, я прошептала:

– Господи! Они же были вместе лет пять!

Кен повернулся.

– Аллен, давай, твоя очередь.

Аллен вздрогнул. Кивнув Кену, он прижал телефон плечом и сделал худший в мире удар. А потом снова начал расхаживать.

– Как он? – спросила я, глядя, как он протирает дыру в ковре.

Кен пожал плечами.

– Не знаю. Говорит, собирается поехать в Аризону и привезти ее обратно.

Подойдя к приятелю, Кен забрал у него кий. Аллен даже не заметил. Кивнув на стол, Кен показал, что теперь моя очередь.

– Типа как пещерный человек? – спросила я. – Перекинуть ее через плечо и притащить домой? – Я прицелилась и взмолилась богам спокойствия, чтобы все получилось. У меня получилось, и я облегченно выдохнула. И тут же промазала по следующему шару.

– Ну типа того, – ответил Кен, наклоняясь над столом с зажмуренным глазом. – Я говорил ему, что это плохая идея. – *Стук*. – Если она не хочет быть с ним, – *стук*, – значит, не хочет. – *Стук*. К концу своей фразы Кен закатил красный, лиловый и желто-полосатый шары.

«Показушник».

– А почему ты думаешь, что она не хочет? – спросила я, прицеливаясь.

– Потому что она уехала от него в другой конец страны.

– Эй, а можно мне задеть твой шар, чтобы...

– Нет, – ухмыльнулся Кен.

– Нет? – Я надулась, но Кен только головой помотал.

«Козел».

Я попыталась выкатить оранжевый шар из-под стенки так, чтобы не задеть шар Кена, но неверно рассчитала угол и стукнула другой его шар.

– Вот черт.

– Спасибо, – хихикнул Кен, используя ситуацию.

– Знаешь, может, она уехала, потому что ее достало ждать, пока он сделает ей предложение. Я знаю, он твой друг, но... Пять лет, а кольца так и нет? Ну, в смысле сколько она еще должна была ждать?

Изготовившись к удару, Кен приподнял бровь.

– Думаешь, она бросила его, потому что хотела за него замуж? – Я прямо видела, как в его мозгу замигали микросхемы, пытаюсь осознать то, что я сказала. – Но это не имеет смысла. – Кен ударил по шару чуть слабее, чем нужно, и тот замер прямо над лузой.

– Ха! – заорала я, указывая на его ошибку.

Я перешла на сторону Кена, откуда мне было удобнее бить. Я думала, что он отойдет, как делал всегда, когда кто-то собирался нарушить его здоровенный пузырь личного пространства, но он не отошел. Остался там, где стоял. И смотрел, как я приближаюсь.

Едва я заступила в зону его невидимого силового поля, волоски у меня на руках встали дыбом. В такой близости от него било электричеством. Может, потому, что он своего рода робот.

Я уперла конец кия в пол и взглянула ему в лицо.

– Можно тебя спросить... Аллен сделал что-то не так?

Светло-кашатновые брови Кена сошлись на переносице.

– Что ты имеешь в виду?

– Он ее обманул? Ударил? Украл ее машину и продал за наркотики?

– Нет.

Улыбнувшись, я поглядела на лучшего друга Кена, который теперь сидел на барном стуле, закрыв лицо руками.

– Эй, Аллен, – позвала я, выглядывая из-за туловища Кена, пахнущего свежевывсушенными простынями.

Плотный парень в майке «Фальконов» и в очках поднял на меня несчастное лицо.

– Твоя девушка хочет выйти замуж.

Слабая, печальная улыбка мелькнула в уголках его рта.

– Ты так думаешь?

– Ну да, – кивнула я. – Кен говорит, ты собираешься поехать за ней.

Аллен потер глаза за очками и перевел взгляд с меня на Кена.

– Я подумывал об этом.

– Если поедешь, лучше возьми с собой кольцо.

Аллен расплылся в улыбке.

– Ты уверена?

– Да, ты уверена? – повторил сомневающийся голос Кена. – А что, если она скажет «нет»? Я увидела, что он улыбается так же широко, как Аллен.

– Мужики, да вы ни хрена не понимаете в девушках. Повезло вам, что я тут.

Во время этого разговора случилось нечто неожиданное. Наверное, когда я ворвалась в непроницаемое поле Кена, я как-то повредила его. Потому что весь оставшийся вечер он не отходил от меня дальше, чем на длину руки. Я то и дело проверяла его границы, касаясь его то так, то этак, но он ни разу не поморщился. Когда я решила выйти покурить, то схватила его за галстук и вытащила за собой. И он охотно пошел. Я смеялась и хлопала его по груди, когда он отпускал какое-нибудь саркастичное замечание. Я хватала его за мускулистый локоть и шептала ему на ухо, когда хотела сказать что-нибудь о ком-то из присутствующих. И он позволял мне все это, улыбался, смотрел мне в глаза и наклонялся поближе, чтобы рассказать что-то о людях, которых я не знала.

Когда пора было уходить, Кен схватил свою пустую бутылку из-под витаминов – которую, как я знала из наших прошлых бесед, он всегда выкидывал в бак для перерабатываемого мусора, возвращаясь домой, – кивнул на прощание друзьям и проводил меня вниз по всем четырем этажам до самой парковки. И всю дорогу мы касались друг друга локтями.

Мое сердце так и колотилось – и вовсе не из-за лестницы. Кен Истон позволил мне дотронуться до него. Этот человек, живущий в пузыре личного пространства размером со всю планету, казалось, вовсе не замечал моего вторжения. Что было очень хорошо, потому что мне понравилось в пузыре Кена. Там было тихо и тепло, но энергия была просто электрической. Я знала, что не должна испытывать судьбу, но когда Кен проводил меня до машины, остановился больше чем в полуметре от меня и поглядел вот этак – словно бросая мне вызов, – я решила, *«Черт с ним»*.

И, сделав бросок, обхватила его руками за шею.

И он, со своими рефлексами ниндзя, поймал меня.

Когда сильные руки Кена схватили меня за талию, у меня от изумления распахнулись глаза, его лицо – грубое из-за небритой вечерней щетины – оказалось прижатым к моей шее, а кончики моих туфель болтались сантиметрах в двадцати над асфальтом.

Возможно, впервые в жизни я ощутила твердую почву под ногами, даже не касаясь земли.

Как раз когда я начала думать, что могла бы провести остаток жизни *на* Кеннете Истоне, он медленно опустил меня на ноги.

– Ты же завтра работаешь, да? – Опустив глаза, он поправлял свое пальто.

– Ага, – ответила я, оглядываясь вокруг в поисках, что бы такое пнуть. – Эй, а может, ты зайдешь пообедать со мной? – Мой голос, лицо, даже брови приподнялись в надежде и ожидании.

Но Кен не поддержал мой энтузиазм. Вытаскивая из кармана ключи от машины, он опасно взглянул в мою сторону.

– Возможно. – После чего без единого слова или нового объятия повернулся и ушел.

6

– Так, ты что-то затеяла, – заявил Джамал, оглядывая меня с ног до головы.

По вторникам и четвергам я работала в секции повседневной одежды «Мэйсис» одна, но по субботам Джамал составлял мне компанию. Он был всего сантиметров на пять выше меня, но весил как минимум вдвое больше, и это были сплошные мышцы. Я всегда могла сказать, когда в качалке по утрам были хорошенькие девушки, потому что тогда Джамал качал мышцы изо всех сил, а потом на работе с трудом мог поднять над головой стопку джинсов.

– В смысле? – спросила я, делая вид, что поглощена складыванием свитеров.

Джамал поднял указательный палец.

– Прежде всего, у тебя новая прическа. Кстати, офигенно.

– Спасибо, – улыбнулась я, не глядя на него.

– Во-вторых, – поднял он следующий палец. – Ты торчишь тут, складывая эти тряпки, которые вообще не нужно было складывать, уже больше часа.

– Ну и что? И потом, всего пять минут.

– Угу-угу. И в-третьих. – К первым двум присоединился очередной толстый палец. – Всякий раз, как я ни посмотрю, ты все пялишься во-о-он туда. – Джамал дернул пальцем в направлении главного прохода, идущего по центру магазина. – Так кто же он? С кем ты на сей раз спуталась?

– Ты что, серьезно?

– Это Фредди? Фредди из мужского парфюмерного, да? Круто. Он классный.

– Господи! – Я повернулась к Джамалу, безуспешно пытаюсь казаться оскорбленной. – Я не сплю с Фредди из мужского...

Мое лицо просияло. Джамал тут же повернулся и через плечо посмотрел на вошедшего.

Он так и переводил взгляд с меня на парня в темно-синем свитере и низко сидящих хаки, идущего в нашу сторону, а потом снова на меня.

– Так вот *кого* ты выглядывала, да? Я так и знал.

– Ш-ш-ш, заткнись, – прошептала я сквозь зубы, не отрывая от Кена глаз.

Я никогда раньше не видела, как он ходит. По крайней мере, издали. Мы всегда торчали в квартире Джейсона или шли рядом по парковке. А видеть Кена на расстоянии было совершенно новым ощущением.

Он был такой красивый, высокий, загорелый и ловкий, но совершенно не выпендривался. Он двигался, как будто был уверен, что на него никто не смотрит, что было далеко от истины.

Мы с Джамалом так и пялились.

Когда Кен встретился со мной взглядом, уголки его рта приподнялись. Мне захотелось отшвырнуть Джамала с дороги, промчаться по проходу и снова кинуться на Кена.

Конечно, я не сделала этого. Не только потому, что попытки кидаться на людей во время смены не понравились бы начальству, но еще и потому, что Кен, прежде чем подойти, засунул руки в карманы.

«Никаких объятий».

Ухмыльнувшись, Кен глянул вниз, на мои руки.

– Нет, спасибо. Мне это великовато.

Поглядев вниз, я поняла, что держу за плечики мужской свитер размера XL. Я покраснела и бросила свитер на стол.

– Кен, это Джамал. Джамал, Кен.

Джамал протянул Кену руку.

– Как дела?

Я увидела, как по лицу Кена промелькнуло сомнение, прежде чем он принял протянутую руку. С напряженной улыбкой он крепко пожал ее, ответив кратко:

– Привет.

«Господи. Он что, даже руки пожимать не любит?»

Я метнулась к кассе взять пальто и сумку. Пробивая карточку, я смотрела, как болтают Кен с Джамалом. Я не слышала, о чем они говорят, но, что бы это ни было, когда я подошла к ним, Кен смеялся.

Я взглянула на Джамала, пытаюсь телепатически передать ему, что, если он посмеет опозорить меня, за мной не заржавеет врезать ему по яйцам.

Через десять минут мы сидели на моей любимой скамейке на улице, я закуривала свою первую сигарету, и у каждого из нас было по большому стакану смузи.

– Значит, ты ненавидишь холод, но проводишь свой перерыв на улице, в феврале, с ледяным напитком? – Кен отхлебнул из своего стакана.

– Так потому я тут и сижу, – улыбнулась я, указывая кончиком сигареты на солнце над головой. – С этой стороны молла градусов на десять теплее. Но, если хочешь, можем пройтись вокруг. Я так делаю, когда совсем замерзаю.

Кен улыбнулся и помотал головой.

– Я просто тебя дразню.

Это было хорошо, потому что, когда мы тут сидели, глядя друг на друга, моя нога касалась его, и это было лучшим моментом дня.

– Как тебе это манго-папайя? – спросила я, показывая глазами на его пенопластовый стакан.

– Совершенно замечательно, – отрезал Кен.

– Дай попробовать, – сказала я, зажимая сигарету в зубах, чтоб протянуть к нему руку.

Кен встретил мой взгляд и сделал очередной глоток, качая головой.

– Нет? Но почему? – рявкнула я.

– А ты не сказала волшебного слова.

– Какого? *Пожалуйста?* Это волшебное слово?

Кен кивнул, не выпуская соломинки изо рта. Он был одновременно таким клевым и так бесил. Мне пришлось подавить желание швырнуть его стакан на землю и зацеловать его до смерти.

Сделав страшные глаза, я сказала, изображая свой лучший акцент английской сиротки.

– Мистер Истон, ну пожалуйста? Можно мне, пожалуйста, попробовать глоточек вашего смузи, сэр?

Губы Кена торжествующе изогнулись вокруг соломинки.

«Вот козел».

Выхватив стаканчик у него из рук, я заменила его своим. Наградив Кена *убийственным* взглядом, я отхлебнула, и мои глаза непроизвольно закатились под лоб.

– Черт, это правда вкусно. – Я отхлебнула еще. – Я оставляю его себе. Можешь взять мой. Там все равно больше осталось. Выходит, это более выгодное соотношение в долларах за унцию. Ты не можешь с этим поспорить.

Улыбнувшись, Кен стукнул своим новым стаканчиком по моему.

– Только потому, что это лучшее соотношение.

Я смотрела, как он берет в рот соломинку, побывавшую в моем рту. Тут не было никакой брезгливости. Никаких следов бактериофобии.

«Не любит касаний. Не возражает против обмена слюной. Интересно».

Пока мы сидели и болтали, я заметила, что постоянно трогаю свои волосы. У меня была масса разнообразных нервных тиков. Мои руки и рот почти всегда были заняты – курить, болтать, грызть колпачок ручки, жестикулировать, смеяться не к месту, выдирать нитки из

одежды, грызть ногти, крутить волосы. Но в процессе светской беседы с Кеном Истоном они еще усилились.

– Господи, я не могу перестать трогать волосы. Я так облысею, – рассмеялась я, садясь себе на руку. – Я не привыкла, что они такие прямые. Обычно я даже пальцы не могу в них запустить.

Кен с интересом поглядел на меня, но ничего не сказал.

– Ты заметил? – Я повертела головой из стороны в сторону, мой бордовый боб взметнулся и упал на место. – Я сделала это несколько дней назад.

– Я заметил.

И это все, что он сказал. Ни улыбки. Ни намека. Просто – «я заметил».

Мое лицо вытянулось.

– Тебе не нравится?

– Это неважно, нравится мне или нет. – Лицо Кена было серьезным. Как будто он действительно не собирался сказать мне, что моя чертова новая прическа прелестна.

– Почему? – огрызнулась я, чувствуя, как мои замерзшие щеки заливаются жаром.

– Потому что ты – Брук Бредли. – Кен опустил стакан и повернулся ко мне лицом. – Когда я впервые увидел тебя, у тебя была бритая голова. Тогда тебе было плевать, что подумают люди, так зачем начинать думать об этом сейчас? Тебе *самой* нравится?

Я моргнула. Потом еще раз.

– Хм... да. Я ее обожаю.

– Ну вот только это и важно. – Кен облокотился на спинку скамьи и отхлебнул из своего почти опустевшего стакана. Звук «ш-ш-шрх-х-х» добавил столь необходимой легкости.

Никто никогда прежде не отказывался вот так наотрез делать мне комплименты. Ганс говорил мне, что я прекрасна, каждый божий день всех наших двухлетних отношений. Ну, каждый из тех, когда он не забывал позвонить мне или явиться домой. Мои родители осыпали меня похвалами со дня моего появления на свет. Мы с моими друзьями непрерывно поглаживали эго друг друга. Но каким-то образом, не сказав мне того, что я хотела, Кен заставил меня почувствовать себя более особенной, чем если бы он это сказал.

Тут Кен приподнялся на сиденье и вытащил из кармана вибрирующий телефон.

– Да, привет. – Он нахмурил брови. – Черт. Не знаю. – Взглянув на меня, он добавил: – Хочешь, Брук тебе поможет?

«Брук». Никто меня так не называл, кроме профессоров, проводящих переключку на первом занятии.

Прикрыв пальцами микрофон, Кен прошептал:

– Аллен тут неподалеку. Он выбирает кольца, и ему нужна помощь.

У меня распахнулись глаза.

– Кольцо на помолвку?

Кен даже не успел кивнуть, как я уже вскочила на ноги и заплясала на месте, дожидаясь, чтобы он указал мне, в какую сторону бежать.

– Ювелирный Бейлса, – прошептал он, указывая подбородком в сторону входа в молл.

Через тридцать секунд я уже обнимала и тискала Аллена, а Кен только появился в дверях ювелирного.

– Как тебе это? – постучал Аллен по стеклянной крышке, на которую мы глядели.

– Милое, – улыбнулась я. – Но мне кажется, это платина.

– И что?

– А то, что платина стоит гораздо дороже белого золота, а выглядит точно так же.

Продавщица за стойкой прокашлялась своим покрытым украшениями горлом.

– Вообще-то платина гораздо более стойкий металл и никогда не теряет своего естественного белого блеска.

– А белое золото теряет? – встревожился Аллен, переводя взгляд с меня на продавщицу. – Я не хочу, чтобы оно... поблекло, верно?

Бедняга. Такой беспомощный.

– Ничего. Если оно вдруг начнет тускнеть и желтеть, просто принесешь его сюда, и его снова отполируют, – подняла я глаза на эту женщину с фальшивой улыбкой и большой фальшивой же грудью. – Правда же, – я взглянула на табличку с именем, с трудом держащуюся на этой груди, – Карен?

Пластиковая улыбка Карен стала еще шире.

– Да, *мэм*.

У нас на Юге «*мэм*» – это такой код для «*вот стерва*».

– А ты знаешь, какой формы камни ей нравятся? – С Алленом я говорила совсем по-другому. Как с напуганным животным. Или с младенцем.

Казалось, он сейчас начнет задыхаться. Кен же, который стоял чуть поодаль, похоже, собирался заснуть.

– Э-э-э... квадратные? Мне кажется, ей нравились квадратные.

Я сладко улыбнулась Карен.

– Пожалуйста, покажите нам, что у вас есть в огранке «принцесса» и в белом золоте... – Я снова повернулась к Аллену. – Какой у тебя бюджет?

Его огромные глаза стали еще больше.

– Э-э...

– Сколько ты получаешь в месяц?

– Черт. Ну, скажем, две штуки? Наверное?

Кивнув, я снова повернулась к Карен.

– В пределах четырех тысяч, *пожалуйста*.

Пока Карен вытаскивала кольца из коробочек, выкладывая их на бархатную подставку, Аллен поглядел на меня, подняв брови выше верхнего края своих толстых очков.

– Откуда ты все это знаешь?

– Мой папа работал ювелиром... И в гитарном магазине, а еще продавал машины, и стереосистемы, и покрытия на пол. Так что я получила кучу бессмысленной информации благодаря тому, что он не удерживался ни на какой работе.

Аллен слабо улыбнулся.

– Если эта информация вернет Эми, то она не бессмысленна.

– Вернет, – широко улыбнулась я.

Кен снова куда-то отошел. Оглянувшись через плечо, я обнаружила, что он лениво изучает стойку с дорогими часами. Руки в карманах, небритая квадратная челюсть, темно-синий свитер обтягивает плечи и бицепсы. Если бы я не была с ним знакома, я б захлебнулась слюной. Там, у Джейсона, он был просто одним из парней, но тут, на воле, когда на него можно было посмотреть со стороны, он был просто потрясающим.

– Вот, – объявила Карен с фальшивой улыбкой, выкладывая перед нами черную бархатную подставку. – Это все, что у нас есть в белом золоте с уже вставленными камнями огранки «принцесса» в вашем ценовом диапазоне. Но мы всегда можем заменить...

Больше не слушая ее, я схватила с подставки кольцо и надела себе на палец. Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Обруч белого золота был выложен крохотными квадратными бриллиантиками, но в отличие от обычных помолвочных колец большой центральный бриллиант был приподнят в лапках так, что возвышался над всем кольцом. Прозрачный чистый камень был виден со всех сторон, даже снизу было пространство, и он как будто парил.

– Тебе нравится это? – спросил Аллен, шуря глаза и присматриваясь к камню на моей левой руке.

– Угу, – пробормотала я, замороженно следя за камнем на своей руке.

– Покажи-ка. – Аллен нагнулся разглядеть получше, но я отдернула руку и оскалилась на него, как Голлум, охраняющий свою «прелес-с-с-сть».

– Только не это, – вырвалось у меня. – Оно... Это не в стиле Эми. Вот совсем. Я уверена, оно ей не понравится и она снова пошлет тебя куда подальше.

– Ой. Ну конечно, – пробормотал Аллен, а я указала на подставку с другими, совершенно подходящими помолвочными кольцами.

Спустя десять минут, после многократных заверений моих и Карен, Аллен выбрал для Эми два кольца – прелестное помолвочное кольцо из белого золота с романтическим филигранным узором и подходящее к нему обручальное кольцо.

Кен, как по волшебству, появился рядом в момент оплаты, чтобы устроить Карен допрос про проценты в рассрочку и те или иные подробности выплат по кредитной карте магазина, которую она пыталась всучить Аллену.

Очевидно, «двадцать один процент» было неверным ответом, потому что Кен выхватил заявление на кредитную карту из рук Аллена, как будто оно могло самоуничтожиться.

После чего полез в свой бумажник и вручил Карен свою кредитку.

Когда Аллен спросил, какого хрена он делает, Кен ответил:

– Сберегаю твоей жопе пару тысяч на процентах. Отдашь мне, когда будешь при деньгах. Это было очень мило – ну в манере Кена.

Когда мы вышли из магазина, Аллен, держа в руках маленький черный пакетик, обнял меня. Но когда он направился обнять Кена, то замер на полпути.

– Спасибо, братан, – сказал он, опуская руки с дурацкой улыбкой. После чего, переводя взгляд с меня на него и обратно, добавил: – Я подожду тебя у машины.

Обратно в «Мэйсис» я плыла на заряженном электричеством облаке. Я была рада за Аллена, но в основном я была в восторге от того, что моя рука всю дорогу касалась Кена.

Это было как-то нелепо. Это был не мой тип. Он никогда ко мне даже не приставал. И он был эмоционален примерно как огурец. Но вокруг него были какие-то захватывающие потоки энергии, которыми я не могла насытиться. Я знала, что эти электрические заряды должны отпугивать людей, но я с детства была непослушной. Я всегда разворачивала все подарки еще до Рождества, потому что родители просили этого не делать. Я всегда нажимала красные кнопки с надписью «*не трогать*». И, когда мы вернулись в мой отдел, я обняла Кеннета Истона, хотя он *никогда* не обнимался.

Не знаю, то ли оттого, что мы были на публике, то ли я вообразила наше объятие вчера вечером, но, так или иначе, Кен стал жестким, как накрахмаленные воротнички рубашек, лежащих через проход.

– Спасибо, что зашел, – прошептала я ему на ухо хриплым низким голосом.

– Ага, – ответил Кен, выпрямляясь, отчего мои руки соскользнули с его шеи.

Несмотря на болезненный удар отказа и неловкость, окрасившую розовым мою шею и щеки, я выдавила улыбку.

– Я, хм... – Кен засунул руки в карманы. – Я завтра заканчиваю в шесть. Если вдруг захочешь со мной поужинать.

– А?

Я кивнула, высоко подняв брови.

– Конечно. Ага. По воскресеньям я свободна, так что...

– Я знаю, – перебил Кен.

– А. Ну да, – улыбнулась я.

– Да, – отозвался Кен.

Я дождалась, чтобы он дошел до отдела мужской парфюмерии, прежде чем испустить громкий драматический вздох, который до тех пор сдерживала.

– Ну да, он клевый, но тебе надо поработать над объятиями. Это как-то совсем уж через жопу.

Обернувшись, я уставилась на своего коллегу, который неодобрительно качал головой.

– Заткнись, Джамал. Тебя забыли спросить.

7

На следующий день я въехала на парковку перед кинотеатром, где работал Кен, готовясь к тому, что наше свидание начнется так же, как все остальные встречи с Кеном – каким-нибудь ехидным замечанием и полным отсутствием контакта.

Припарковав «Мустанг», я погляделась в зеркальце заднего вида и прочла сама себе небольшую лекцию, чтобы убедиться, что мои ожидания тихи и малы.

«Слушай, дурьнда. Тут нет ничего особенного. Ты войдешь, Кен тебе что-то такое выскажет, что ты типа опоздала на пять минут, после чего вы с ним поедете в неловком молчании в какое-нибудь сетевое кафе, где он заставит тебя взять комплексный обед, потому что у него есть купон на второй бесплатный. Никакой романтики не будет. И особо весело тоже не будет. Но это все равно лучше, чем сидеть дома и пялиться в экран телефона. Наверное».

Довольная своей прической и косметикой, с которыми провозилась весь день, я схватила сумку и захлопнула дверь.

«Ничего такого, – повторяла я про себя, идя по парковке, засунув кулаки в карманы своей летной куртки. – Просто обычный дружеский ужин».

Я вышла на тротуар и прошла мимо окна кассы.

«Он, может, даже поедет на моей машине, чтобы сэкономить на бензине».

Ухватившись за ледяную ручку тяжелой стеклянной двери, я налегла на нее всем своим сорокачетырехкилограммовым телом, чтобы она распахнулась.

Я вошла внутрь, и мне в лицо ударил теплый воздух. Вдоль обеих сторон большого открытого фойе стояли киоски, и там, посередине, объясняя что-то кучке прыщавых подростков, стоял Кен в своей затянутой в черное ипостаси. Марк Маккен.

Он был таким же потрясающим, каким я запомнила его на вечеринке Суперкубка у Джейсона – гладко уложенные муссом светло-русые волосы, руки в карманах свободно сидящих черных брюк, торчащие из-под закатанных рукавов узкой черной рубашки бицепсы и чертов тонкий черный галстук.

Кен с самым серьезным выражением объяснял что-то своим недорослым подчиненным, но, едва он заметил меня, у него поднялись и брови, и уголки рта. Сказав что-то, отчего мелюзга разбежалась врассыпную, он пошел через фойе туда, где я изо всех сил пыталась удержать слюну внутри собственного рта.

– Привет, – улыбнулся Кен.

– Привет, – улыбнулась я.

– Готова?

– Угу, – кивнула я в три медленных, подчеркнутых кивка.

Распахнув дверь, словно она вовсе не весила пять тонн, Кен придержал ее, пока я, спотыкаясь, выходила наружу.

«Никаких ехидных замечаний».

«Никаких упреков, что опоздала».

«Но и никаких объятий».

«Два из трех – неплохо».

– Ну, куда бы ты хотела? – спросил Кен, подходя к своей маленькой бордовой машинке-кабриолету, стоящей на ближнем почетном месте.

Я хотела бы быть спокойной и расслабленной, как крутые девушки, или сдержанной и скромной, как хорошенькие, но все это просто было не в моей манере. Я была упрямым, избалованным единственным ребенком без тормозов, и, когда мне предоставлялась возможность поступить по-своему, я ее использовала. Всегда. Каждый. Чертов. Раз.

– Я люблю итальянскую кухню, – ляпнула я.

– Правда? – спросил Кен, встречаясь со мной взглядом над верхом машины. – Итальянская – моя любимая.

К моему огромному изумлению, мы не поехали в сетевое кафе. Мы поехали в домашний итальянский ресторанчик, где никто из нас раньше не бывал. И поездка вовсе не была неловкой и неудобной. Все было... просто. И даже весело. Пока Кен вел машину – не превышая скорость больше чем на десять километров, – я порылась в его ящике с дисками, вереща от радости над каждым альбомом в этой коллекции. Там был андеграунд-панк, поп-панк, скей-панк, пауэр-поп, поп-рок, гранж-рок, классический рок, альтернативный рок и еще эмо. Наши музыкальные вкусы совпадали. Думаю, мы могли бы обменяться коллекцией дисков и даже не заметить этого.

– Ни фиги себе, – ахнула я, прижав руку ко рту.

– Что? – с интересом поглядел на меня Кен.

Я уставилась на него широко раскрытыми в изумлении глазами.

– Вот что! – Я подняла тяжелую, черную корбочку из-под диска. – У тебя есть «*Marvin the Album Frentel*»?

– Ну да, пришлось, – хихикнул Кен. – Они делали каверк...

– «*Bizzare Love Triangle*»! Конечно! Он потрясающий!

– Я даже не помню, когда впервые его услышал. Кажется, на MTV, еще давно, когда...

– Они еще показывали видео, – ахнула я. – А сейчас там только чертов «*Real World*», и «*Road Rules*», и...

– «*Fucking Cribs*», – добавил Кен.

– «*Fucking Cribs*». – Мое хихиканье сменилось новым вскриком, когда начала играть следующая песня на диске, который мы слушали. – Господи, обожаю эту песню! Это же про нас с Джульет!

Улыбаясь моим восторгам, Кен немного прибавил громкость. Мы слушали альбом «*Weezer's Pinkerton*», про который я думала, что его больше нет ни у кого на свете, и как раз заиграла «*El Scorcho*», дурацкая, слова в которой идут почти скороговоркой, с припевом, как крики в баре.

– Чертовы полуяпоночки! – начала я подпевать Риверсу Куомо.

– Делайте так всегда, – тихонько подхватил Кен, косясь на меня из-за руля.

«*Что за...*»

Потрясенно обернувшись к нему, я ухмыльнулась и затянула третий куплет, про рыженьких.

А Кен тут же начал четвертый, тихо, и *гораздо* лучше попадая в ноты. Его жесткий рот слегка изогнулся, но, когда начался припев, Кен расплылся в полноценной улыбке, и остаток песни мы уже допевали вместе, причем Кен все время смотрел на меня краем глаза.

«*Черт возьми! Кен, враг веселья, по-настоящему веселится!*»

– Слушай! Да ты должен как-нибудь пойти со мной в караоке! – выпалила я, когда песня кончилась. Это показалось мне отличной идеей. Я любила петь. А Кен пел отлично. – Мы сможем петь дуэтом!

Лицо Кена помрачнело, и он въехал на стоянку возле трагтории «Густо».

– Я не пою в караоке.

– Но почему? У тебя так здорово получается!

Он захлопнулся прямо у меня на глазах. Лицо побледнело под моим взглядом, и он явно раздраженно остановил машину и выключил двигатель.

– Это классно! – продолжала давить я.

Кен резко дернул ручник.

– А если тебе неловко петь, можно читать рэп. Я так и делаю. Никто не заслуживает слушать, как я пою в настоящий микрофон.

Не говоря ни слова, Кен открыл дверцу машины и вышел, так что мне пришлось тоже выскочить и побежать его догонять.

– Эй, так ты *действительно* не хочешь идти в караоке?

– Нет, – отрезал он.

Я поглядела на него так, словно он отрастил вторую голову, а он открыл и придержал для меня деревянную дверь. Под моим пристальным взглядом его лицо немного смягчилось.

– Я не люблю внимания, – объяснил он, когда я проходила мимо него.

«Как это кто-то может не любить внимания? Это же моя самая любимая вещь».

– Добро пожаловать в «Густо». Столик на двоих? – спросила нас молодая брюнетка за столиком администратора, переводя взгляд с меня на Кена.

Я помолчала, ожидая, что Кен как мужчина будет говорить за нас обоих, но он ничего не сказал. Когда я взглянула на него, он кивнул подбородком в сторону девушки, чтобы я ответила ей.

– Ну да? – сказала я, вовсе не собираясь задать вопрос. Обернувшись к девушке, я сказала уже яснее. – Да, столик на двоих.

В «Густо» было темно, все излучало такое европейское очарование, а пахло тут так, как будто они перед тем, как построить все это, вымочили все доски в чесночном масле.

У меня не было особой привычки есть – строго говоря, я предпочитала воздерживаться от еды до тех пор, пока не начинала терять сознание – но у меня была слабость к итальянской кухне.

Рот у меня наполнился слюной, а ладони вспотели в предвкушении того, что же будет дальше. Всего того вреда, который я сейчас проглочу. Вины, которую буду испытывать после.

– Это мой новый любимый ресторан, – пробормотала я, глядя, как официант ставит перед нами корзинку с чесночными булочками, посыпанными мелко натертым пармезаном.

Кен, демонстрируя больше элегантности, чем я когда-либо могла обрести, одобрительно кивнул, отщипнул кусочек этого воздушного счастья и отправил к себе в рот.

Борясь с желанием запихнуть свою булочку в рот целиком, я откусила ее с краю, точно яблоко, и немедленно ощутила, как по моему телу пронесся дофаминовый взрыв. Закатив глаза, я погрузилась в свое самое греховное наслаждение – углеводы.

После первого же куска меня сорвало. Я хотела сожрать все. Свою булку, булку Кена и все остальные прекрасные золотисто-коричневые шары греха в этом заведении, но я должна была притворяться нормальной. Улыбаться, дышать и вести светскую беседу с моим милым, тихим партнером.

– Ну? – Я опустила надкусанный комок теста на свою тарелку и подняла взгляд. – Как же вышло, что такой... стеснительный человек оказался управляющим кинотеатром? Ведь на такой работе тебе *постоянно* нужно быть в центре внимания? – Я старалась как можно осторожнее подбирать слова, не желая случайно его обидеть.

– Не особо, – пожал плечами Кен, прихлебывая воду из стакана. – Я в основном сижу в офисе, занимаюсь бумагами. А если возникают проблемы с посетителями, я отправляю разбираться кого-то из помощников.

– Неплохо, – рассмеялась я.

– Это работа. – Кен бесстрастно приподнял и опустил плечо. – Но я могу бесплатно смотреть все новые фильмы, так что получается неплохо.

– А какая была бы работа твоей мечты? – спросила я, в очередной раз неизящно вгрызаясь в булку.

– Не знаю, – отрезал Кен. – Смотреть целыми днями кино *и не работать*.

– То есть ты хочешь сказать, что у тебя нет никаких амбиций? Только смотреть кино и ничего не делать?

– Ну да, – ответил Кен без малейшей тени сарказма.

– Ну ладно, а если бы тебе все же пришлось работать? Кино больше нет, и тебе надо искать новую работу. Что бы ты хотел делать?

Кен уставился на меня с таким выражением, словно с трудом удерживался, чтобы не закатить глаза. А затем вздохнул.

– Не знаю. Может, финансовое планирование? Или бухгалтерия?

– Точно! Тебе очень подходит! Я бы точно тебя наняла... если бы у меня были деньги, – хихикнула я.

Это вызвало у Кена крошечную полуулыбку.

– Ну а ты? – спросил он меня. – Работа твоей мечты – это психология?

– Наверное, – ответила я. – Ну, то есть я ее люблю, но еще я люблю рисовать и писать стихи. Думаю, я выбрала из любимых вещей то, что будет оплачиваться. – Я пожала плечами. – Ну, может, в следующей жизни, я смогу стать фотографом для National Geographic. Разве не классно было бы путешествовать по миру, делать фотографии и за это еще и получать деньги?

– Мне кажется, реинкарнация работает не так, – поддразнил Кен.

– Ты считаешь, что она вообще не работает, – замотала я головой из стороны в сторону, как обиженный ребенок.

– Именно, – улыбнулся Кен, чокаясь со мной, как последний противный атеистический урод, каким он и был.

Пока мы обсуждали, что будет с нами после смерти, официант вернулся с нашими заказами. Мне принесли баклажан в пармезане, а Кену – цыпленка под пармезаном. И это была идеальная метафора. У нас были те же вкусы, но под поверхностью мы не были из одного и того же материала.

После того, что с большим отрывом стало лучшей трапезой в моей жизни, официант упаковал то, что осталось, принес чек на маленьком серебряном подносыке и поставил его перед Кеном. Хихикая про себя, я смотрела, как он проверяет счет, и ожидала, что будет – сейчас он попросит меня заплатить за свою половину или все же сперва лопнет от смущения. Едва официант ушел с его кредиткой, я залезла в сумку и бросила на стол кучку смятых двадцаток.

Кен тут же нахмурился, его брови сошлись.

– Это за мой билет в цирк, за ужин, и половина чаевых... ну, если у тебя нет купона на второй ужин бесплатно, о котором я не знаю.

Я готова была заплатить шестьдесят баксов только за то, чтобы еще раз увидеть это выражение лица. Губы Кена приоткрылись, плечи расслабились, а ярко-голубые глаза засияли, как два огонька.

– Нет, купона нет, – улыбнулся он, забирая купюры со стола. – Но цыпленок в пармезане был сегодняшним блюдом дня, я прочитал на доске, когда мы вошли.

Рассмеявшись, я покачала головой. Может, Кен и был дешевым засранцем, но с учетом того, что мой последний парень просаживал все деньги на кокаин и стриптиз-бары, взрослый мужик с хорошей кредитной историей внезапно взлетел очень высоко в моем рейтинге достоинств.

– А в этом месяце, платя кредиткой в ресторане, я получаю двойной кэшбэк.

– Боже мой! – рассмеялась я, пиная его ногой под столом. – Я начинаю думать, что теперь ты мне еще и должен!

Кен подмигнул мне, когда официант принес ему карточку.

– Как насчет поужинать со мной завтра? – Он подписал чек и вернул его, не отводя от меня взгляда. – У меня есть купон на бесплатный салат-бар в «Руби Тьюздей».

Я рассмеялась еще сильнее и кинула в Кена своей сложенной салфеткой.

– Если это бесплатно, значит, ты не заплатишь за меня, балда!

Кен поймал ее без малейших усилий, и его улыбка стала еще шире.

– А если я буду есть салаты?

– Ладно. Договорились. – Кивнув, я протянула руку через стол.

Кен пару секунд поглядел на нее так же, как было накануне с Джамалом.

«Черт. Я забыла, что он не любит...»

Поднимаясь, Кен взял мою протянутую руку и помог мне выйти из-за стола. Я почувствовала, как теплый электрический заряд охватил меня, притянул и всосал в его пузырь. Атмосфера сменилась с кокетливой на напряженную. Кен сжал мою руку в медленном крепком пожатии.

– Договорились, – выдохнул он, отпуская ее.

8

На обратном пути к моей машине Кен больше не пел со мной и вообще, казалось, слушал мою болтовню только вполуха, что для него было крайне необычно. Сперва я не возражала, потому что, пока Кен был поглощен своими мыслями, я могла пожирать его глазами со своего сиденья. У него был прекрасный профиль. Потрясающий. Завиток волос на лбу отражал форму легкого изгиба кончика носа, а тот поднимался под тем же углом, что выступ подбородка и выдающиеся скулы. Но, когда Кен остановился на парковке кинотеатра возле моей машины, не сказав за всю дорогу и пяти слов, я начала беспокоиться.

Кен не был особо болтлив, но что-то определенно пошло не так.

Остановив машину, он повернулся ко мне. В темноте я не могла толком разглядеть его лица, но мне и не надо было. Кен все равно ничего не выдавал.

– О чем ты задумался? – спросила я, не делая попыток выйти из машины.

Кен взглянул на меня и затаил дыхание, а я с ужасом ждала, что же будет. Он передумал. Он не хочет завтра идти со мной в «Руби Тьюздей». Он вспомнил, что его купон просрочен, и не знает, как мне об этом сказать.

Его грудь поднялась, а легкие наконец впустили в себя воздух. С каменным лицом он спросил:

– Хочешь посмотреть мой дом?

«Хочу ли я посмотреть его дом? Что за дурацкий вопрос. Он имеет в виду зайти туда или же просто проехать мимо и посмотреть на него?»

– Ты хочешь, чтобы мы зашли? – спросила я, стараясь не выдать свою неловкость.

– Если ты хочешь.

– Что, прямо сейчас?

Кен медленно кивнул.

Я не могла прочесть его намерений. Может, он просто волнуется и боится пригласить меня, а может, хочет расчленить меня там и сожрать мой мозг. Но в любом случае напряжение было заметным.

– Ну...

«Да черт с ним. Он клевый».

– Ладно, – выдавила я с натянутой улыбкой.

Кен предложил мне поехать за ним на своей машине, так что я в любой момент могла уехать, если захочу. Думаю, он пытался сделать так, чтобы мне было удобнее оказаться с ним в незнакомом доме, но в результате добился только того, что я начала задаваться вопросом, стоит ли мне оказываться наедине с ним в незнакомом доме. Ну, в смысле как там было в «Серийном убийце 101»? Завлеките вашу жертву в удаленное место под предлогом заботы о безопасности?

«Кен запросто может оказаться серийным убийцей», – думала я, следуя за его кабриолетом из центра в какие-то пригороды.

«Вспомни Кристиана Бейла в «Американском Психе». Он был красивый, и аккуратный, и тихий тоже... много работал... носил галстук... Господи, меня наверняка сейчас прибьют топором».

«Ш-ш-ш... успокойся. Может, и нет. Сперва изучи это место. Если ты увидишь прозрачный плащ, маску на лицо или кровать для загара, тогда можешь убежать».

На всякий случай я оставила на автоответчике Джульет сообщение о том, куда я поехала.

Мы проезжали по каким-то бесконечным извилистым улочкам, покрытым деревьями, мимо конских пастбищ и начальных школ, пока Кен не свернул в очаровательный небольшой

квартал с названием «Озеро в Сосновом Лесу». Не знаю, что я думала о его местожительстве, но уж точно это не был пригородный поселок с озером и теннисными кортами.

Это не место для холостяка.

Когда мы проезжали по улице, я заметила большой двухэтажный белый дом. Он стоял на небольшом холме и хорошо освещался уличными фонарями, буквально светясь в темноте на фоне остальных домов. Все окна были оправлены темными ставнями, а под ними были ящики с цветами. Спереди по всей длине первого этажа шла крытая веранда, заканчивающаяся восьмиугольной застекленной башенкой на углу. И когда я уже думала, что мы уезжаем, у Кена загорелись тормозные огни.

«Погоди-ка».

«Что?»

Кен въехал в просторный гараж на две машины, а я запарковалась возле дома, стараясь осознать, что за чертовщина тут происходит.

«Кен живет тут? Как? Даже у моих родителей нет такого прекрасного дома».

«Господи. Ну я идиотка. Родители. Он просто живет с родителями. Вон что».

«Ну и ладно. Это ничего. Я вон тоже живу с родителями».

«Нет, балда. Оглянись. Ты видишь тут другие машины?»

Я не видела. Я была в полувосхищении, полужасе от мысли оказаться наедине с Кеном. Я выскочила из своего «Мустанга», подсознательно нащупывая в сумке газовый баллончик, и пошла туда, где Кен ждал меня, залитый светом из открытой двери гаража.

– Вау! – закричала я. – Ты тут живешь! Тут так красиво. А эта башенка просто прелесть! –левой рукой я указала на фасад дома и вдруг поняла, что продолжаю держать в ней зажженную сигарету.

Губы Кена слегка изогнулись.

– Спасибо. Прошлым летом я поставил там качели. Хочешь посмотреть? – Кен прошел мимо, направляясь по боковой дорожке к входной двери.

Обернувшись, я смотрела ему вслед. Затем пустилась вдогонку.

Мы поднялись по белым ступенькам парадного входа на белую деревянную веранду, прошли мимо двух кресел-качалок и вошли в маленькую белую угловую башенку, где тихонько покачивались белые качели.

Едва увидев их, я заверещала от радости. Я знала, что у меня есть примерно пять минут до того, как мои зубы начнут стучать на февральском морозе, но я отказывалась уйти, пока не посижу хоть немного на этих чертовых качелях. Застегнув свою летнюю куртку до подбородка, я прыгнула на раскачивающуюся скамью, оставив Кену достаточно места возле себя.

Он, конечно, так и не сел. Он стоял в двух метрах от меня, опершись о перила в своем неприкосновенном пузыре личного пространства.

«Черт побори».

Я как раз собиралась оттолкнуться ногами, чтобы раскачаться, но Кен протянул ногу и слегка подтолкнул качели. Я в удивлении улетела и в предвкушении вернулась обратно, мои колени проникли за край его магнитного поля. Пока я приближалась и улетала, Кен молча смотрел на меня, он снова затих. Я видела, как вертятся мозговые колеса за его полуприкрытыми глазами.

– А теперь о чем ты думаешь? – поймала я себя на том, что второй раз за вечер задаю этот вопрос. Будущий психолог во мне бесился из-за неспособности прочесть его мысли.

«Ты думаешь, какими на вкус будут мои мозги?»

«Ты думаешь, какая я красивая?»

«Черт. А может, у меня томатный соус на подбородке?»

– Я думаю о том, какой вес могут выдержать эти качели.

Рассмеявшись, я фыркнула. Мое замерзшее лицо расплылось в улыбке.

– То есть ты вот так стоишь и вычисляешь, да?

Кен криво усмехнулся.

– Всегда.

– Не переживай, – улыбнулась я, пытаюсь скрыть панику. – Если они порвутся, мы подадим в суд на трагторию «Густо» и слупим с них компенсацию. Я уверена, что только из-за их булочек прибавила за вечер пять кило.

Когда мои мысли начали крутиться вокруг моего веса и того, что мне придется сделать завтра, чтобы не набрать его, до меня вдруг дошло, что если Кен думает о весовых пределах, то это не потому, что я такая корова, а потому, что ни разу до сих пор не сидел на этих качелях с кем-то еще.

И от этой мысли мне сразу стало тепло изнутри.

А потом тело Кена оказалось рядом с моим и согрело меня снаружи.

В отличие от моих ноги Кена были такой длины, что доставали до земли, но он не стал раскачивать. Мы просто сидели, и ему это не мешало, как никогда не мешало молчание.

Кену было хорошо в покое.

А мне, конечно же, нет.

Едва у меня закончилась сигарета, я спрыгнула с качелей, дотянулась до перил и ткнула свой окурок в землю под кустом роз в ящичке под окном.

– Ну, – обернулась я к Кену, едва не подпрыгнув на месте. – А внутри тоже покажешь?

Кен кивнул и повел меня к парадной двери, которая не была ни белой, как весь дом, ни черной, как ставни.

– Как мне нравится твоя красная дверь, – пропела я, пока Кен вставлял ключ в замок. – А это что-нибудь означает? Красные двери должны защищать тебя от злых духов или чего-то такого?

Открывая дверь, Кен хохотнул.

– Я тоже об этом думал, так что проверил. – Пропуская меня в дом, он пояснил: – В Шотландии это значит, что ипотека за дом выплачена.

Хихикнув, я вошла внутрь. Пока Кен включал свет, я размышляла, кто же, на фиг, выплачивает *его* ипотеку.

Обстановка была безупречной. Со вкусом. Не имеющей ни единого личного штриха или даже фотографии.

«Боже мой, это же даже не личное жилье! Это какая-то модель дома! Кен меня завлек! Наверняка он приводит сюда всех своих жертв!»

Входная дверь открывалась в изящно обставленную гостиную, выкрашенную в уютный серо-зеленоватый цвет. Направо от входа была лестница, ведущая на второй этаж. Выложенный камнем камин занимал почти всю левую стену. У дальней стены стоял диван, обтянутый бежевой замшей. С обеих его сторон открывались выходы в кухню и в столовую.

Изящные лампы были стальными. Кофейный столик – деревянным. На стенах висела эклектичная подборка акварелей и несколько чернильных набросков Эйфелевой башни.

«Нет, серьезно. Кто тут, на фиг, живет?»

– Э-э... Мне нравится цветовая гамма, – выдавила я, изучая обстановку.

– Спасибо. Красил я сам, но папа помог мне с лепниной на потолке.

«Ага! Я знала!»

– О, он живет тут с тобой? – Я расстегнула куртку и подошла рассмотреть рисунки Эйфелевой башни.

– Нет, только сестра. Она снимает у меня большую спальню и место в гараже.

«Так тут все же живет женщина. Это объясняет Эйфелеву башню».

– Здорово. Это она помогала тебе с обстановкой? – спросила я, любуясь одной особенно красивой акварелью с собором Нотр-Дам после дождя. Мокрые тротуары блестели, как зеркало.

– Нет. Я сам все красил и обставлял. Она переехала только несколько недель назад.

– Правда? – Я повернулась к Кену с раскрытым ртом и полуснятой курткой. – Так, значит, ты купил этот дом, покрасил и обставил? И все это сделал сам? Это так... – *«хозяйственно, здорово»* – прекрасно!

Кен скромно улыбнулся. Держа в одной руке свое пальто, он протянул другую за моей курткой. Я вывинтилась из нее окончательно и отдала ему.

– А откуда эти рисунки?

– Я привез их из Парижа, – ответил он, вешая мою куртку на деревянную вешалку. – Там на каждом углу стоят уличные художники и целыми днями рисуют все знаменитые места. У них потрясающие работы. – Кен закрыл шкаф и с улыбкой повернулся ко мне. – И это ни хрена не дорого.

Меня охватило странное чувство *дежавю*. Только вместо того чтобы ощущать, что я смотрю в прошлое, я чувствовала, будто заглядываю в будущее. Кен украшал этот дом не для себя; он украшал и обставлял его *для меня*. Это не имело смысла, но я это чувствовала. Я это знала. Моя душа увидела этот дом и сказала: *«дом»*. Но когда мои глаза уведали этого закрытого, умного, красивого, с хорошей работой, ответственного человека без татуировок, они сказали: *«дом?»* С совершенно другой интонацией.

Кен не был моим типом, но может, пришло время как-то пересмотреть свой тип.

Шум въезжающей в гараж машины вывел меня из транса.

– Это твоя сестра? – спросила я, внезапно чувствуя неловкость, что я стою тут посреди гостиной, ничего не делая.

Кен прошел за моей спиной к дивану.

– Наверное, нет. Она чаще остается у своего бойфренда.

«Наверное, нет? А кто же это, на фиг?»

Кен сел на диван и включил телевизор. Открылась дверь, и кто-то прошел на кухню. Через секунду из кухни в гостиную вошла крошечная азиатка. Она казалась примерно моего возраста, может, немного моложе, и была не выше полутора метров. Когда она заметила, что Кен не один, она смущенно отвела глаза и быстро поднялась по лестнице.

Я повернулась к Кену с универсальным выражением *«Какого хрена?»* на лице.

Заметив мой ужас, Кен усмехнулся и пояснил:

– Это Робин. Она работает в кинотеатре, и ей негде было жить, так что я сдал ей одну из дополнительных спален.

– Сколько же спален в этом доме? – спросила я на удивление ядовитым тоном.

– Четыре.

– И у тебя есть еще жильцы?

Улыбка Кена стала еще шире.

– Пока нет, но, если ты узнаешь, что кто-то ищет жилье, дай мне знать.

Закатив глаза, я присоединилась к нему на диване.

– Сколько тебе лет? – спросила я, меняя тему и стараясь удержаться и не предложить ему себя в постояльцы.

– Двадцать три. – Кен не отрывал глаз от перечня каналов на экране. – Ты видела *«Мой мальчик»*? Его наконец-то показывают на НВО.

Я покачала головой. Одновременно отвечая на его вопрос и не веря, что кто-то такой молодой может быть настолько *взрослым*.

– Ты не видела? Он чертовски хорош. – Кен выбрал фильм и положил пульт на столик. – Хью Грант – мой любимый актер.

Я фыркнула.

Рассмеявшись, Кен повернулся ко мне лицом, безуспешно пытаясь спрятать улыбку.

– Я тоже так думал, пока однажды не понял, что мне нравятся все фильмы, где играет Хью Грант. Даже *«Мелкие мошенники»*, а я терпеть не могу Вуди Аллена. И до меня дошло: *«Бли-ин, наверное, Хью Грант – мой любимый актер»*.

Улыбка Кена была заразной.

– То есть ты хочешь мне сказать, что тебе нравится *«Дневник Бриджет Джонс»*? – подколола я.

– Ага.

– *«Любовь с уведомлением»*?

Кен кивнул.

– *«Ноттинг Хилл»*?

– Да ты шутишь? *«Ноттинг Хилл»* вообще лучше всех. Мы будем смотреть его после этого. Ну, то есть, – Кен кашлянул и обвел глазами комнату, – если ты захочешь.

Я улыбнулась тому, каким неожиданно милым оказался Кен Истон. Отчаянно желая успокоить его и очарованная его умилительной привязанностью к британским романтическим комедиям, я потянулась вперед и робко чмокнула его в губы. Я вообще ни о чем не думала. Я просто... сделала это.

И тут же об этом пожалела.

В секунду, когда наши губы соприкоснулись, Кен застыл – и с ним застыл весь воздух в моих легких, пока я целую неловкую вечность ожидала, чтобы он сделал хоть что-нибудь.

«Миссисипи – раз, Миссисипи – два...»

Но Кен просто сидел, замерев во времени, не моргая, едва дыша, а мои губы так и были прижаты к его закрытому, плотно сжатому рту.

Желая избавиться от неловкости громким чмоканьем, я попыталась отыграть назад и сделать вид, что это все была лишь невинная шутка.

«Это что еще за фигня? Он просто сидел. Зачем он меня сюда позвал, если не хочет даже пристать ко мне?»

Пока я теребила вылезшую из дырки на джинсах нитку и пыталась придумать убедительный предлог, почему мне прямо сейчас нужно уйти, Кен выключил лампу у дивана и включил кино. Поскольку мои глаза были опущены, я, несмотря на то что движение было почти незаметным, все же определенно уловила, что, когда свет потух, Кен поправил ширинку на своих штанах.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

«Может, я все же останусь... чуть-чуть подольше...»

Через несколько часов я проснулась в темной гостиной Кена, лежа на его замшевом диване. Жмурясь на светящийся в темноте экран телевизора и пытаясь понять, где нахожусь, я осознала, что мое полностью одетое тело лежит у Кена на коленях. А моя голова – на подлокотнике, а Джулия Робертс стоит в книжном магазине.

Я, блин, была в ужасе. Я заснула и упала на него, но кажется, он не возражал против контакта. Наоборот, пока я возилась и прижималась к нему, пытаясь устроиться поудобнее, я почувствовала, как выпуклость, которую ни с чем не спутаешь, набухает и удлиняется рядом со мной. Мои гормоны взыграли, пробуждаясь к жизни и готовые к действиям, которые обычно следуют за подобным явлением, но, к моему изумлению, Кен не стал прижиматься ко мне. Вместо того чтобы лапать меня, он убрал руки, предоставляя мне свободу движений.

Сохраняя полный контроль над своим телом, Кен позволял *мне* полностью распоряжаться контролем над ситуацией.

Это был дар, которого мне раньше не доставалось.

По моему опыту, все мальчишки были козлами, хватающимися за любую возможность. Даже самые милые. Дай им палец, и они тут же лишат тебя девственности.

Но, как я поняла в тот вечер, Кен не был мальчишкой. Он даже и мужиком не был. Он был редкой разновидностью, известной как «джентльмен», о существовании которой я до тех пор даже не подозревала.

А он скрывался на ровном месте.

Когда Джулия Робертс взглянула на Хью Гранта со слезами на глазах и улыбкой, застывшей на прелестном лице, тихий голос Кена наизусть произнес следующую реплику:

«А еще я просто девушка, стоящая перед парнем с просьбой о любви».

Хихикнув, я поднялась и села. Кен оторвал взгляд от экрана ровно настолько, чтобы встретить мой восхищенный взгляд. Его веки были опущены, лицо спокойно, губы с одной стороны улыбались.

– Это самый лучший момент, – кивнул он на экран.

Я улыбнулась еще шире, чем Джулия Робертс, и покачала головой. Кен был забавным. И очаровательным. И он только что позволил мне трогать его... Даже не знаю, как долго.

– А сколько времени? – спросила я, озираясь в поисках часов.

Кен зашевелился и вытащил из кармана телефон. Глядя на светящиеся цифры, он сказал:

– Двенадцать пятьдесят восемь.

– Черт. – Я вскочила, и комната качнулась вниз от резкого движения головы, но я все равно помчалась к шкафу. – Мне надо бежать. У меня с утра занятия.

Кен сонно кивнул и проводил меня через безукоризненно чистую белую кухню, мимо стола для завтраков, уютно стоящего возле широкого окна, и через гаражную дверь. Когда мы шли мимо его кабриолета и «хонды» Робин, я заметила, что Кен, должно быть, скинул ботинки, пока я спала. Не знаю, почему, но от вида Кена в носках мне стало весело.

Остановившись возле моей машины, Кен повернулся ко мне. Его маска апатии была снова на месте и скрывала от меня его мысли. В холодном воздухе были видны струйки пара нашего дыхания – они вились и сливались между нами.

– Ну... – сказала я, пытаюсь заглянуть в его мозг. – Значит, завтра в караоке?

Небольшая улыбка пробилась сквозь серьезное выражение.

– Прости. – Он пожал плечами. – Но у меня свидание с салатным баром.

– Ах да, – рассмеялась я. – Тогда увидимся.

Улыбка Кена поблекла.

– Увидимся.

«Поцелуй его, балда! Что ты на него пялишься?»

«Нет! Я хочу, чтоб он теперь сам меня поцеловал».

«Ну, а я хочу стать солисткой группы «No Doubt», раз уж Гвен Стефани теперь выступает одна, но этого ни хрена не будет, так что сделай уж что-нибудь».

– Так я... снова заеду за тобой в кинотеатр?

«Вот так. Отлично. Давай. Потом будет не так неловко».

– Конечно. Я заканчиваю в шесть. – Кен потер замерзшие ладони и засунул их в карманы своих черных брюк. Галстук был расслаблен, но все еще висел у него на шее.

«Так. Отлично. Теперь он убрал руки в карманы. Это знак: „Не смей меня обнимать“».

«Да он просто замерз!»

«И именно поэтому тебе надо поцеловать его и отпустить обратно в дом, эгоистичная сука!»

«Он не пытался меня лапать и не уговаривал остаться на ночь. А что, если я ему вообще не нравлюсь?»

«Ну и ладно. Не буду его целовать».

«Но я не могу не поцеловать его!»

– Отлично. Тогда до встречи. – Я медленно потянулась рукой к дверце машины, вглядываясь в лицо Кена в поисках каких-то следов симпатии и изучая язык его тела в поисках пропущенных приглашающих сигналов, но момент, настигший нас на диване, прошел. Кен снова был холоден, изнутри и снаружи.

Кивнув, моя мечта в галстук повернулась и ушла в гараж, а оттуда – в дом.

«Что за фигня? Seriously? Вот так, не обнявшись?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.